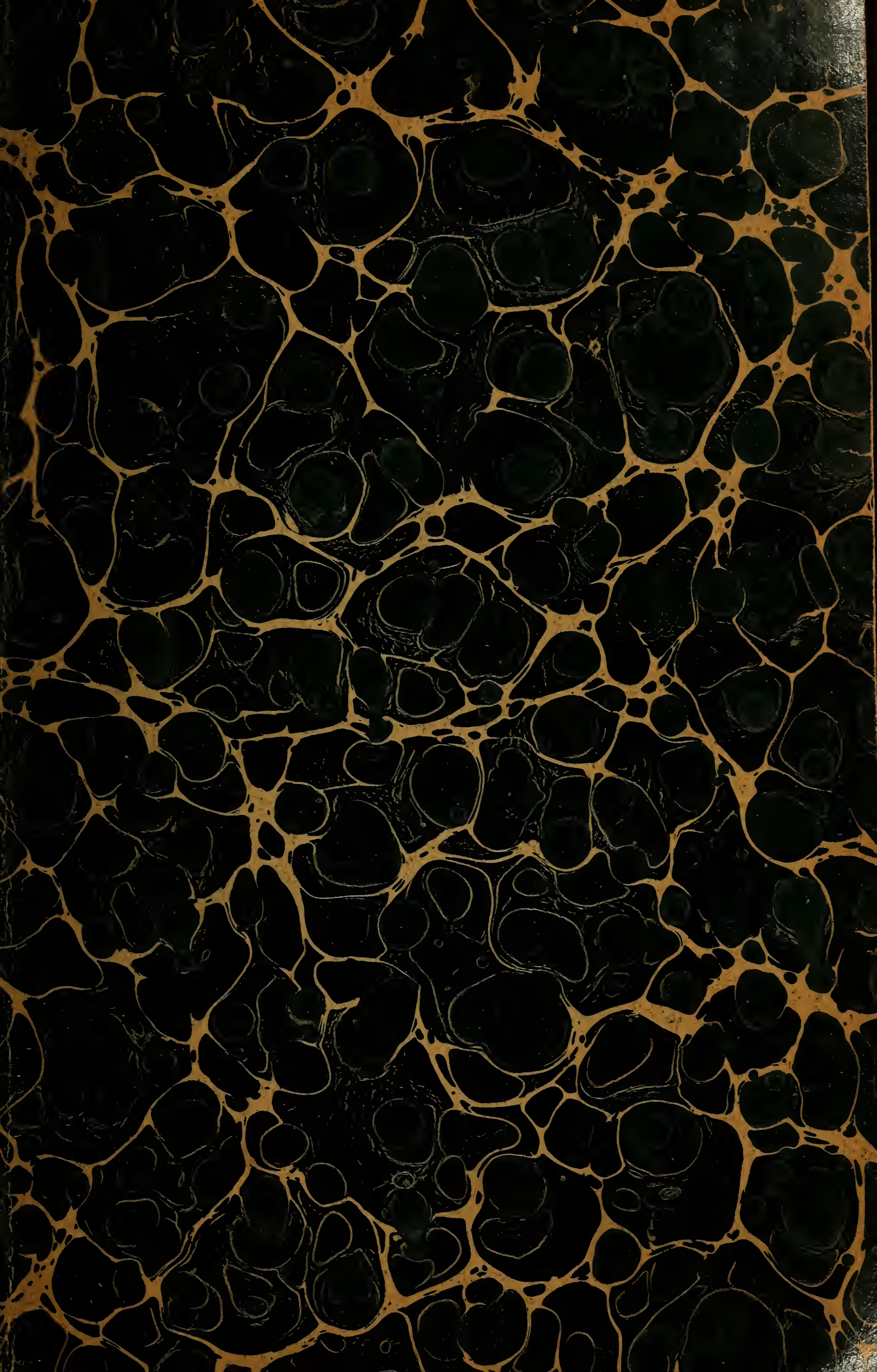

LIBRARY OF CONGRESS
00001082383


A.D. 1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА


THE LIBRARY OF CONGRESS
1800



Для перелистыванія во время отдыха, послѣ обѣда.



ВЗГЛЯДЪ

НА

СТАРИННУЮ

РУССКУЮ

ПОЭЗІЮ.

МОСКВА.

1837.

Vzgli͡ad na starinnui͡u russkui͡u poėzii͡u

ВЗГЛЯДЪ

НА

СТАРИННУЮ

РУССКУЮ

ПОЭЗІЮ.



МОСКВА,
Въ Типографіи И. Смирнова.
1837.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Мая 28 дня, 1837 года.

Цензоръ и Кавалеръ *И. Снегиревъ.*

МИЛОЙ

РОССІЯНКѢ.

Тебѣ, подругѣ зрѣлыхъ дней моей жизни, посвящаю плодъ моего досуга. Въ одной любви къ родинѣ таилось-бы соперничество, угрожающее любви моей къ тебѣ. Но это чувство для тебя не опасно: ты Русская; ты всегда позволишь мнѣ повторить слова́ поэта, вложенныя имъ въ уста Донскаго:

Такъ, вмѣстѣ вы въ душѣ моей соединенны,
Вы вмѣстѣ милы мнѣ, вы вмѣстѣ мнѣ священны!

Будемъ вмѣстѣ, пока живы, питать это чувство къ ней, съ тѣхъ поръ еще болѣе, какъ Небо благословило насъ двумя дѣтьми ея, дѣтьми нашими! — Сохранимъ его чистымъ, и передадимъ своимъ малюткамъ, исполнивъ ихъ нѣжныя сердца́ сладкихъ звуковъ этой родины!

Твой другъ

Николай Иванчинъ-Писаревъ.

»Кто вы?« спросилъ Византійскій Тиверій у трехъ пословъ, мирныхъ, но братьевъ громителей Дагобера и потрясателей троновъ Греціи. — »Мы Славяне; любимъ пѣть и играть на кифарахъ и гусляхъ« отвѣчали они (*).

Внуки пѣвцовъ оправдали сказаніе, продливъ вѣщіе распѣвы дѣдовъ. Но утрачены ихъ пѣсни, пѣсни тѣхъ баяновъ, которые плыли подъ щитами Олеговъ, Игорей и Святославовъ, разсѣкая струи *Варяжскаго*, нѣкогда оглашаемаго Оссіаномъ, — *Русскаго*, воспѣтаго Гомеромъ

(*) Г. Бутковъ справедливо замѣчаетъ, что эти послы, говоря: »оружіемъ владѣть не умѣемъ« — сказывали собственно о себѣ самихъ.

и волнимаго Митридатомъ, — плыли, и въ грозномъ звукѣ ихъ лиръ народамъ слышалось: *иду на васъ!* — Утрачены и пѣсни торжественныя, которыя провожали то дивную Ольгу, то славнаго ея внука, плывшаго въ Тавриду завоевать Херсонъ, Православіе, порфирородную невѣсту, и близъ храма, гдѣ заклана Иѳигенія, воздвигнуть храмъ истинному Богу.— Не осталось ничего и отъ пѣсней жалобныхъ, которыя утѣшали въ тоскѣ по родинѣ двухъ Русскихъ дѣвъ, — одну на пути къ дальнему трону Франціи,— другую на туманныхъ берегахъ Гаральдова царства.

Потомки сихъ Русскихъ Бардовъ, уже для насъ древніе, сохранили одни отголоски сердца, и, оставя не многимъ избраннымъ пѣть славу, дали свойство нѣжнаго бо́льшей части ихъ пѣсней.—Любопытны эти отголоски и простому наблюдателю; драгоцѣнны тому, въ комъ *не простыла еще Русская кровь*: оба найдутъ, что наша древняя, или вѣрнѣе, ста-

ринная Поэзія, хотя въ полной связи своихъ образцевъ и кажетъ намъ характеръ младенчествующаго народа, но глубокимъ чувствомъ, которое дышетъ въ ея отзывахъ, вѣрною живостію образовъ, силою выраженій и красотою оборотовъ, не менѣе другихъ достойна коментатора съ отличнымъ дарованіемъ. Смѣло думаемъ, что онъ и украсилъ и обогатилъ бы наши письмена подробнымъ разборомъ ея остатковъ, извѣстныхъ, но мало уважаемыхъ въ нашихъ недообразованныхъ обществахъ.

Слышимъ ропотъ нашихъ гостинныхъ: можно-ли употребить это выраженіе! — Весь нашъ отвѣтъ заключится въ слѣдующемъ замѣчаніи: кто знаетъ и хвалитъ лишь чужое, не примѣняя его къ своему родному, тотъ похожъ на ослѣпленнаго баломъ новичка, предпочитающаго это зрѣлище самымъ торжественнымъ явленіямъ природы. Съ нѣкоторыми людьми, называющими себя любителями Словесности, бываетъ тоже: плѣняясь од-

нимъ чужимъ, не уважая своего, и своего хорошаго, они далеки отъ того патріотизма, который неразлученъ съ полною образованностію. Признаемся, къ стыду своему, что многіе изъ Русскихъ до сихъ поръ судятъ о древней нашей Поэзіи по сказанію полу-Русскихъ, или тѣхъ, которые, присвоивъ себѣ уродливое имя космополита, съ какою-то насмѣшкою и презрѣніемъ пишутъ и говорятъ о древнемъ быту отечества; а нѣкоторые по переводамъ иноземца, всегда готоваго исказить нашу старину, не только не поэтическимъ, но даже неблагороднымъ, низкимъ. Намъ случилось читать переводъ одной изъ старинныхъ нашихъ пѣсенъ;— вотъ ея содержаніе: Дочь намѣрена просить отца своего, не выдавать ее за старика, и, чтобы угодить отцу, хочетъ сама выкормить, выхолить и подвесть къ нему его коня. Эта картина патріархальныхъ нравовъ, столь живо напоминающая дочерей Идоменея, которыя изъ собственныхъ Царскихъ рукъ своихъ кор-

мили коней родителя, искажена въ переводѣ Француза Сент-Мора, гдѣ упомянутый конь

Mène le kibitk de son pere.

Эта *кибитка*, о которой ни слова въ подлинникѣ, не представляетъ-ли дикаря-простолюдина, между тѣмъ какъ извѣстно, что во всей тогдашней Европѣ Рыцари, Князья и Вельможи лишь верхомъ выѣзжали: и вотъ какого коня Русская дѣва желала сама выкормить и подвесть къ отцу своему.

Добрые, любезные соотечественники! хотя чрезъ десять лѣтъ послѣ смерти Карамзина и Мерзлякова больно намъ повторять ихъ жалобы и упреки, но мы не перестанемъ васъ укорять въ недообразованности, пока не перестанете вы языкомъ и сердцемъ не Русскаго, или дурнаго патріота, говорить о святынѣ нашего самобытнаго характера, и ушами ихъ прислушиваться къ сладкимъ напѣвамъ родины 1).

Обратимся къ своему предмету, и скажемъ нѣчто о свойствахъ древней или старинной Русской Поэзіи.

Чего не могла она выразить! Тамъ слышимъ вздохи безнадежной любви; жалобы разлуки; нѣжные упреки невѣрному; стоны вдовы; тоску дѣвы оставляющей отеческій теремъ; печаль сиротки, идущей къ вѣнцу безъ родителя; провожаніе воина на брань, его послѣдній завѣтъ съ поля битвы; — однимъ словомъ, тамъ начало дней, младенчество, юность, бракъ и смерть, всѣ обстоятельства жизни, весь бытъ сердца человѣческаго выражены чертами сильными, рѣзкими, живыми, — и все настроено тономъ страстной унылости, признанной подругою генія; все, отъ пѣсни матери надъ колыбелію младенца до скорбнаго распѣва дочери надъ гробомъ отца, исполнено силы выраженій, смѣлыхъ образовъ, Поэзіи 2); все, кажется, вырывалось изъ сердца, чтобъ схватить за сердце и въ немъ замереть; всѣ уподобленія такъ истинны, такъ вѣ-

рны!—и одно лишь сильное чувство умѣло ихъ такъ принаравливать.

Умираетъ-ли храбрый: онъ шлетъ своего коня вѣрнаго сказать молодой супругѣ, что *женился онъ на другой женѣ, взявъ за нею поле чистое*; что *сосватала его сабля острая, положила на одръ брачный каленà стрѣла*. Кого не поразитъ эта сила образовъ и вѣрность инозначенія, въ которомъ видно, что одна лишь смерть могла быть второю женою витязя, — лишь она могла разлучить его сердце съ милою подругой? — И какая постепенность въ уподобленіяхъ дѣйствій: первыя сабельныя раны — сватовство; рѣшительный пролетъ стрѣлы — вѣчный бракъ!

Тамъ призываются вихри взрыть землю могильную, раскрыть гробовую доску, дать еще разъ взглянуть на милаго. — Какъ *туманъ падаетъ на синè море*, такъ *падаетъ тоска въ сердце*, томимое скорбію; — и *не боръ шумитъ, не рѣка льется*: слышимъ стонъ, видимъ

слезы несчастной. Самыя слезы имѣютъ тамъ сравнительные оттѣнки: слезы молодой вдовы уподоблены росѣ (*взойдетъ солнце — росу высушитъ*: она утѣшится полюбивъ снова); слезы престарѣлой матери, лишенной послѣдняго сына, равны потоку, ни чѣмъ не изсушимому. Видимъ частыя примѣненія тревогъ природы къ тревогамъ жизни, — и какъ правдоподобно, какъ поэтически дружатся тамъ бури стихій съ бурями сердца; *тучи грозныя, вьюги лютыя* съ *ретивымъ добраго молодца* или *души его красной дѣвицы!*

Въ простотѣ словъ таится выспреннее, когда сердце ихъ источникъ. Поэзія! Эстетика! вы тамъ, гдѣ общество еще не изуродовано полупросвѣщеніемъ, гдѣ голосъ чувства не пересѣкается обдумками какого-то приличія, среди столькихъ неприличій, если судить по строгой нравственности 3), — вы снова тамъ, гдѣ полное и несовратное просвѣщеніе возвратило человѣка къ первобытной, прямо бла-

городной, прямо выспренней простотѣ 4). — Въ Русскихъ пѣсняхъ, любовникъ, разлучаемый съ милою, долго смотритъ на нее, и твердитъ самъ себѣ: наглядитесь мои очи про *запасъ*! — и пусть улыбнутся въ нашихъ душистыхъ будуарахъ простотѣ этихъ словъ: тамъ сказали бы: Je la fixai longtems, voulant conserver l'empreinte de son image; — ибо тамъ, выступивъ изъ простоты сердечнаго быта, не возвратились еще къ ней по эстетическимъ анализамъ. Но еслибы и тамъ удостоили вникнуть въ это Русское слово, то оно поразило бы навѣрно: еслибы вы, среди блестящаго круга свѣтскихъ людей, увидѣли молодаго человѣка, въ послѣдній разъ смотрящаго на ту, которую онъ любитъ, и, на вопросъ: зачѣмъ онъ такъ долго глядитъ на нее молча? онъ вдругъ отвѣчалъ бы вамъ: я *запасаюсь* на всю жизнь! — Электризмъ этихъ словъ подѣйствовалъ бы и на самыхъ чопорныхъ друзей мюска, приостановивъ на минуту вистъ и чай, сплетни и полусон-

ные танцы. — Удаленные отъ прямизны чувства, они улыбнутся мнимому равнодушію любовницы, которая наказываетъ невѣрнаго, не стекляннымъ кинжаломъ, не аква-тофановой, — нѣтъ, но отирая слезы бѣлымъ рукавомъ или лентою косы, говоритъ ему:

Такъ прости-же, мой сердечный другъ!
Наживай себѣ другую ты.
Если лучше меня найдешь — позабудешь;
Если хуже меня найдешь — воспомянешь.

Они улыбнутся напрасно: при вѣрномъ взглядѣ здѣсь нашлибы они любовь прямую, безъ всякаго эгоизма и гордости. Несчастная любитъ самоотверженно; проситъ у судьбы всякаго добра милому злодѣю, хотя и дозволяетъ себѣ желать, чего тайно требуетъ сердце. — Но вотъ, если угодно, и романтическое:

Такъ отдай, злодѣй!
Мой золотъ перстень;
Ты возми назадъ
Свой булатный ножъ:

Проколи ты имъ
Мою бѣлу грудь,
Распори мое
Ретиво сердце!

Для душъ истинно нѣжныхъ таинственность неразлучна съ любовію, и составляетъ всю прелесть этого чувства. Какъ часто въ Русскихъ пѣсняхъ любовники убѣждаютъ другъ друга, *вспомнить* тѣ *осеннія, темныя ночи*, которыя они вмѣстѣ *просиживали*, ночи *рѣчей тайныхъ завѣтныхъ!* — И въ чемъ же состояли эти завѣтныя бесѣды во мракѣ ночей? — »*Тебѣ, другъ мой, не жениться; мнѣ за-мужъ нейти.*« — Только? скажетъ кто не любилъ еще, или осужденъ никогда не любить. — Только; но въ любви эти слова заключаютъ *все* для сердца, пока это сердце гоститъ еще на землѣ!

Никто, кромѣ Русскихъ, не назвалъ любовь *зазнобою*. Зазнобить сердце значило умертвить его для всего остальнаго. — »Наши fiamma и feu лучше, скажутъ Италіанецъ и Французъ: Русскіе

не могли уподобить это чувство пламеню: имъ чужды и лучи солнца.« Нѣтъ, Русскіе, не хуже ихъ, пѣли свое *солнце красное*, свое *лѣто знойное*. Стало быть и Шекспиръ, по незнанію, заставилъ Юлію въ объятіяхъ Ромео сказать: »Я зябну!« — нѣтъ, *зазноба* Русскихъ, во всѣхъ отношеніяхъ, не ошибочно означала чувство любви, но по догадкѣ самого сердца. — Иногда и они примѣняли эту страсть, въ ея земныхъ измѣненіяхъ, къ лучамъ деннаго свѣтила; и скажемъ ли мы, новѣйшіе, что нибудь разительнѣе сихъ двухъ стиховъ:

Ужь не грѣть солнцу жарче лѣтняго:
Не любить дружку больше прежняго.—?

Вникнемъ глубоко въ характеръ ихъ словъ, изысканныхъ чувствомъ,—и сравненія съ другими народами будутъ всегда на сторонѣ Русскихъ: мы найдемъ, что mon coeur est oppressé, gedrückt, oppressed, еще далеки отъ словъ: *щемитъ сердце.* Сжатіе и давленіе мучительны, но менѣе

чѣмъ ущемленіе: здѣсь страданіе постоянно томительное, здѣсь тоска любви. Это слово еще сильнѣе въ устахъ дѣвы, обращающейся мыслію къ тѣмъ прошлымъ днямъ безпечности спокойной, когда ничѣмъ не возмущалась она, не ждала ни какой скорби житейской, *не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить.* — Безмѣрную скорбь они также назвали *кручиною.* Вообразивъ живое существо способнымъ быть скручену подобно нити или верви, мы вообразимъ его безмѣрно страдающимъ, и тогда какъ сильнымъ покажется намъ безотрадное: *Ужъ не вытти кручинѣ изъ сердца вонъ!*

И мудрено ли, что въ ихъ пѣсняхъ, въ этихъ памятникахъ вкуса и чувствительности народа, было изучено сердце, когда изъ всѣхъ древнихъ лишь они придумали дать любви двойственное существо, олицетворить ее въ этихъ видахъ, и долго удержать въ своихъ распѣвныхъ преданіяхъ! Ладо не былъ ли богъ любви счастливой, увѣнчанной супружествомъ;

Дидъ богъ любви горестной, обманувшейся въ своихъ надеждахъ 5)?

Нѣкоторые находятъ, что большая часть древнихъ Русскихъ повѣрій, обращенныхъ потомъ въ забаву, были шумны и неистовы: можетъ быть, это нѣсколько и справедливо; но мы должны считать прямое бытіе Россіи, не со временъ почти баснословныхъ, а съ эпохи, знаменующей самостоятельный ея характеръ, и послѣ которой она оставалась въ язычествѣ съ небольшимъ столѣтіе. Хотя наши боги и не являли въ себѣ того забавнаго и не нравственнаго, коими соблазняютъ Олимпы Грековъ и Римлянъ, знаемъ, что вообще Поэзія, музыка, игры, и даже религіозныя понятія народовъ, пребывавшихъ въ идолослуженіи, были земны и чувственны. Христіанство, измѣнившее характеръ Европы, измѣнило и нашъ. Пустыни и пещеры отшельниковъ стекающихся отъ святой горы, Аѳонской; Монархи, идущіе къ нимъ просить благословенія, вельможи срывать съ себя златыя одежды и

повергать предъ ними (*); въ шумѣ пировъ, умолкающіе органы и гусли при входѣ ихъ въ чертоги Царей; посохи ими оставленные, кресты ими водруженные, кладези ими ископанные на распутіяхъ; толпы странствующихъ богомольцевъ, поклонниковъ Святаго Гроба; витязи, уже смиренно влагающіе мечи свои предъ часовнею или пирамидальными верхами святой обители; вмѣсто веселыхъ кумирницъ таинственный мракъ алтарей, откуда съ фиміамомъ кадилъ уже неслись напѣвы и возгласы Грегоріанскіе 6); протяжный звонъ колокола, зовущій куда-то отъ земли, и *напоминающій человѣку о чемъ-то выше дѣлъ человѣческихъ* 7); — все это положило свою новую печать на души, печать важности, смиренія и меланхолическаго чувства, неизвѣстнаго дотолѣ; создало новую Поэзію, ближайшую къ небу, слѣдовательно и къ сердцу нашему, очистивъ, возвысивъ и земныя

(*) Смотри житіе Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ.

мечты его.—Дивная случайность помогла, между тѣмъ, искоренять слѣды чувственнаго, ставя на прахѣ ихъ духовное: день Колядьі (бога бранныхъ торжествъ) обратился въ день канунный Рождества Искупителя, день Купала (бога плодовъ земныхъ) въ навечеріе дня Крестителя (вѣнки его назвались Ивановскими), недѣля Русалокъ (Нимфъ дубравныхъ) въ недѣлю Тріѵпостастную; — самый гербъ Россіи съ образомъ всадника, и, какъ думаютъ, гербъ Олега, обратился въ ликъ Святаго Георгія, поправшаго врага духовнаго. — Помощію ли этой случайности, остепенившей насъ при самомъ началѣ нравственнаго очищенія, по природной ли наклонности, или по сильнѣйшему на насъ впечатлѣнію, мы скорѣе воспользовались вліяніемъ этой перемѣны, и долѣе сохраняли его, замѣняя шумное кроткимъ, игривое заунывнымъ.

Древняя Русская лира не замедлила освоить плоды этого вліянія: гдѣ видимъ богатырство, удальство и силу болѣе сое-

диненными съ великодушіемъ Рыцарства, съ нѣжнымъ вниманіемъ къ полу, сильному лишь своими прелестями? — въ древней Русской Поэзіи 8). Гдѣ отзываются тѣ звуки сердца, которые склоняютъ дѣву презрить и храбрость Добрынь, и силу Рохдаевъ, и славу Гаральдовъ смѣлыхъ, прислушиваясь къ жалобамъ *горемычнаго сиротинушки*? — въ древней Русской Поэзіи. Гдѣ все дышетъ какою-то атмосферою непорочности, и святы первыя мечты сердца? гдѣ любовь и покорность къ родителямъ, скромность и въ чувствѣ самомъ страстномъ? — не въ отзывахъ ли, которыми оглашались наши терема! Все это жило и въ пѣсняхъ брачныхъ, и въ пѣсняхъ дѣвическихъ бесѣдъ, и въ самыхъ играхъ, болѣе скромныхъ нежели рѣзвыхъ: тихая задумчивость навѣвала и на нихъ свою прелесть, облекая ихъ въ какую-то смиренную степенность и благонравіе 9).

Замѣтимъ, кстати, что Поэзія народа всегда образуетъ и характеръ его игръ,

пляски и самой музыки. Напрасно думаютъ нѣкоторые, что сіи послѣднія предшествуютъ первой въ младенческомъ быту народовъ: мы согласились бы съ ними, еслибъ могли признать Поэзіей то, чѣмъ она условно проявляется, какъ-то стихотворство и все что складно выражаетъ ее (*). Нѣтъ, она первый гость души. Чувство заставляетъ пѣть, чувство заставляетъ плясать: настроеніе сего чувства есть Поэзія, а все остальное — лишь ея проявленіе. Древніе Греки скакали когда Дифирамбъ кипѣлъ уже въ душахъ, и порывалъ обаянныхъ; у древнихъ Іудеевъ было тоже. Въ пѣніи и пляскѣ народовъ видимъ различіе, оттѣнки, потому что это наитіе въ нихъ также различно по свойству каждаго. Оно обнаруживаетъ въ

(*) »Поэзія, говоритъ Г-жа Сталь, есть мгновенное обладаніе всѣмъ тѣмъ, чего душа взыскуетъ. У насъ, Французовъ, есть превосходные образцы стихосложенія: но это можно ли назвать Поэзіей?« Такъ говорила писательница съ геніемъ прежде появленія Ламартина.

Русскихъ духовную сановитость и какую-то врожденную раздумчивость, и ихъ старинная пляска, почти всегда тихая, плавная, томная, хотя полная страсти, но кроткой въ ея выраженіяхъ, таитъ въ себѣ болѣе отвлеченнаго. Пляска всѣхъ народовъ образуетъ вообще игру, веселіе, шумную радость, не увлекая насъ за предѣлы настоящаго: пляска Русскихъ наводитъ какое-то забвеніе онаго, погружаетъ въ мечты или уноситъ въ міръ воспоминаній: кто любитъ или любилъ, тотъ, смотря на нее, далеко улетитъ мыслію. Съ распѣвами заунывными, почти всегда въ минорномъ тонѣ, сочетавалась и томность движеній. Самыя эстетическія положенія рукъ и стана дружились тамъ съ потупленными взорами, лишь украдкою возводимыми на зрителей и юнаго плясавца, который въ своихъ движеніяхъ напоминалъ бодрость народа воинственнаго и живость дозволенную его полу. Тамъ дѣвическая стыдливость, укрощая порывы его, не совсѣмъ таила проглядывы чувства

тамъ попеременно являлись, то первая встрѣча двухъ сердецъ, то разлука и свиданіе, то гнѣвъ за холодность и примиреніе: тамъ изображался важнѣйшій періодъ человѣческой жизни! — Вдохновляя Державина, эта пляска приводила въ восторгъ и новую Коринну: Г-жа Сталь съ изумленіемъ видѣла тамъ цѣлый отрывокъ изъ исторіи сердца 10).

Не распространяясь много о музыкѣ древнихъ Россіянъ, которой переливамъ въ тонахъ дивятся всѣ южные и западные народы, не можемъ совершенно умолчать объ ея дѣйствіи 11). Когда, подъ нашимъ меланхолическимъ небомъ, вечерніе лучи солнца медленно прощаются съ землею, какъ сладостно плѣняютъ васъ трепетные звуки Русской пѣсни, раздаваясь и замирая въ даляхъ, или съ береговъ возморья несясь по тихимъ заливамъ!— тогда не вѣятъ-ли они на васъ чѣмъ-то памятнымъ? Или, когда вдоль по свѣтлой рѣкѣ провожаютъ они вашъ легкій челнъ мимо горъ, лѣсовъ и стѣнъ

монастырей, изчезающихъ въ туманахъ, не напѣваютъ ли они чего-то сердцу объ его утраченномъ? — Нѣкоторые изъ нашихъ соотечественниковъ, долго жившіе въ Италіи, согласны, что эти звуки трогаютъ болѣе, чѣмъ пѣснь веселыхъ дѣтей Авзоніи, сливающаяся съ тонами игривой Мандолины, болѣе, чѣмъ Венеціанская баркаролла. Скажутъ, это были Россіяне: могу побожиться это были — чтожъ дѣлать? — люди безпристрастные, западолюбцы, но умѣвшіе постигать изящное въ его объемѣ. Тоже подтверждали и жители самаго Парижа: слушая пѣсни нашихъ воиновъ они думали, что тоска по родинѣ одна могла извлекать столь заунывные распѣвы, и ими въ даль уносить сердце. Какое-то однозвучіе, или лучше сказать, частое возвращеніе къ тому-же тону, согласуетъ и роднитъ эту музыку съ сердцемъ человѣческимъ, которое, въ выраженіяхъ нѣжнаго чувства, а еще болѣе скорбей своихъ, не любитъ разнообразія и частыхъ переходовъ; но сдружась иногда съ

однимъ звукомъ, какъ и съ одною мыслію, не охотно съ ними разстается (*).

Теперь, сближаясь съ предметомъ нашего обзора, скажемъ о родствѣ съ этой музыкой и самаго, такъ сказать, Механизма нашей древней Поэзіи. Тамъ самыя формы изложенія даютъ часто повторять одно слово; и если, случайно или по принаровкѣ, это слово имѣетъ собственную силу, тогда дѣйствіе его не изъяснимо (**). Самый размѣръ стиховъ, приводя въ задумчивость и незнающихъ нашего языка, способствуетъ полнотѣ очарованія. Въ своихъ возвышеніяхъ и паденіяхъ онъ даетъ много вѣсу словамъ близкимъ къ сердцу, какъ будто догова-

---

(*) Лагарпъ замѣчаетъ это въ библейской Поэзіи; Шатобріанъ въ древнихъ церковныхъ напѣвахъ, находя, что самъ Перголези, разнообразя, не совѣтовался съ сердцемъ, и портилъ клиросное пѣніе. Онъ также замѣчаетъ это и въ древнихъ романсахъ, еще не испорченныхъ витіеватостію новаго искусства.

(**) Смотр. Примѣчаніе 14).

риваетъ начатое имъ, даетъ мечтать о невыразимомъ, намекаетъ о томъ, чего языкъ человѣческій не сказалъ еще на землѣ. Въ продолжительномъ стихотвореніи онъ кажется нѣсколько утомительнымъ, — и наши пѣвцы предусмотрѣли это, предусмотрѣли лучше самого автора *Ильи Муромца*: ихъ поэтическія сказки, разнообразясь въ размѣрѣ, не имѣютъ того единогласія, которое слышно въ ихъ пѣсняхъ и элегіяхъ краткаго содержанія: Здѣсь доказательство, что все диѳирамбическое, все что есть самобытно Поэзія, не должно слишкомъ длиться: на землѣ восторги кратки.

Одна изъ важныхъ принадлежностей нашей древней Поэзіи, это имена прилагательныя: одинакія или сложныя, онѣ всегда счастливыми эпитетами, всегда разительно выказываютъ характеръ лица̀ или достоинство вещи; и если Гомеръ возвышалъ ими свойства своихъ героевъ, наши пѣвцы трогали ими. Во времена богатырскія, слова̀: *удалъ молодецъ* пу-

гали красавицу; но съ прибавленіемъ *добрый* онъ являлся ея воображенію достойнымъ стыдливаго взгляда изъ-за густыхъ ея рѣсницъ, являлся достойнымъ назваться въ ея сердцѣ *милъ-сердечнымъ другомъ*, и нѣкогда расплесть ея дѣвичью косу.* *Владиміръ—солнце* означало бы одну его славу и блескъ его Двора; но *Владиміръ-солнце-ласковое* изображало весь характеръ сего Государя, славнаго, а при томъ милостиваго, привѣтливаго. Благоговѣя къ величественной лепотѣ свѣтила дня, они называли его лишь *краснымъ* 12); но дружились, какъ всѣ души нѣжныя, съ кроткимъ свѣтиломъ ночи,—и пѣвцы говорили: »Что ты, *батюшка-свѣтелъ-мѣсяцъ!* не такъ свѣтишь, не попрежнему?«—Слова *сыра земля* представляютъ какой-то ужасъ лежать въ ней: но съ прибавленіемъ слова *мать*, онѣ мирили страдальцевъ съ мыслію о смерти, заключая въ себѣ ту высшую идею, которая напоминаетъ о нашемъ бренномъ существѣ, чадѣ земной

* Много красныхъ дѣвицъ на бѣломъ свѣтѣ, но для сердца — одна душа-красная дѣвица.

персти, и несчастные любовники, вдовы и сироты, лишенные всякой отрады, любили повторять: »Разступись ты, *мать-сыра-земля*!«

Обращая въ уменьшительное и лица и предметы, наши пѣвцы умиляли какою-то ихъ сиротливостію 13); — иногда означали имъ предметъ малоцѣнный (колечко или ленточку), но дорогій сердцу, назвавъ его *подареньицемъ* друга милаго; иногда поражали противоположностію суроваго, грознаго въ природѣ съ жалостнымъ въ быту житейскомъ, какъ-то:

Не бушуйте вы, вѣтры буйные!
Не заносите вы желтыхъ песковъ
На мое *подворьице:*
Ахъ! и такъ мое *подворьице*
Семь лѣтъ ужъ запустѣло!

Въ этой апострофѣ къ бушующимъ буйнымъ вѣтрамъ какой разительный переходъ отъ рушительной силы природы къ низменному крову несчастной! — Вотъ дѣй-

ствіе уменьшительныхъ въ нашихъ старинныхъ пѣсняхъ 14). По привычкѣ ли часто употреблять уменьшительныя, или по особенному добродушію, Русскіе даже именамъ непріятныхъ и постылыхъ предметовъ давали такое-же измѣненіе: страну отдаленную отъ родины, край заточенія называли они чужой дальнею *сторонушкой*, какъ бы нежелая винить ее въ своихъ бѣдствіяхъ.

Писатель, одаренный истиннымъ геніемъ, Шатобріанъ, говоря о Виргиліи, сказалъ: »Отрицательные обороты отличительно свойственны Виргилію, и вообще можно замѣтить, что ихъ часто употребляютъ всѣ поэты меланхолическаго духа. Не отъ того-ли, что души нѣжныя и горестныя всегда склонны жаловаться, желать и сомнѣваться, выражать себя запинаясь, какъ бы робѣя говорить прямо; и что жалоба, желаніе, сомнѣніе и робкая застѣнчивость означаютъ всегда какое-то лишеніе? Чувствительный не скажетъ: »Я испыталъ скорби, я ихъ знаю,«— онъ скажетъ какъ

Часто, по неизъяснимымъ законамъ природы человѣчес-кой, всегда слабой, всегда загадочной, женщина любитъ удальство, даже и безнравственное, въ томъ кто его любитъ. Русскіе пѣвцы умѣли угодить и такому сердцу, назвавъ милаго разбойника буйною головушкой:

Первымъ, прилагательнымъ, они означали его характеръ; [redacted] смягченіемъ втораго, существительнаго, смяг-чали приговоръ этому характеру, по волѣ сердца, его полюбившаго.

О Русь! о моя дикая родина! Какъ глубоко ты изучала человѣчес-кое сердце!

Дидона: »Non ignara mali.« Глубокая чувствительность Русскихъ, вся проявленная въ ихъ древней Поэзіи, не упустила и сихъ отрицательныхъ оборотовъ: на примѣръ, у всѣхъ народовъ сказали-бы такъ: »Я полюбила его неожиданно, не думавъ полюбить, но такъ сильно, что съ тѣхъ поръ всегда готова умереть по немъ;« — сердце Россіянки, или глубоко знавшій его, сказали:

»Полюбить его я не думала;
»Умереть по немъ не задумаюсь!«

Въ Русской Поэзіи находимъ еще одну черту меланхолическаго чувства, которая отличаетъ ее отъ Поэзіи всѣхъ народовъ: говоримъ объ отрицательныхъ оборотахъ въ уподобленіяхъ. Вездѣ поэтъ скажетъ: »Какъ ласточка, какъ ясѐнъ сокȍлъ« и пр. Русскіе пѣли:

»Ахъ, не ласточка, не ясѐнъ сокȍлъ
»Вкругъ теплà гнѣзда увиваются.«

Вмѣсто: »Подобно воркующей голубкѣ«

у нихъ:

»Не голубушка въ чистомъ полѣ воркуетъ.«

Такъ пѣли наши трубадуры, всегда богатые въ уподобленіяхъ; такъ пѣлъ и Русскій Бардъ XII столѣтія:

»Кровавые берега Нѣмена не быліемъ »посѣяны: посѣяны костьми Русскихъ »сыновъ.«

»Не соколовъ занесла буря чрезъ по»ля широкія: стада галицъ летятъ къ »Дону великому.«

Поэзія Сѣверныхъ народовъ являетъ въ себѣ какую-то элегическую важность, которая устраняетъ отъ нея мѣлочное предметовъ неодушевленныхъ. Эту печать сохранила и наша древняя. Человѣкъ, бытіе сердца его, бури этого сердца—вотъ что обнимала она исключительно. Пѣвцы наши любили и природу; пѣли *весну красну*, ея первыя проталины съ первымъ прилетомъ на нихъ жаворонка; пѣли луга,

ихъ *траву шелковую*, ихъ *цвѣты лазоревые*, не именуя каждаго съ ботаническою подробностію Клейста и нѣкоторыхъ Французовъ. Кой-гдѣ находимъ *маковъ цвѣтъ*, замѣнявшій розу, еще неизвѣстную (васильки и незабудки явились позднѣе въ ихъ стихахъ). Были у нихъ и дерева любимыя, которымъ повѣряли они свои раздумья, и ласково ихъ привѣтствовали называя *ивушкой*, *сосёнушкой кудрявою*, и пр., любили плесть вѣнки подъ липою 15), и въ *кусты ракитовые* звали соловушку. Береза, или казалась не живописною, или была слишкомъ обыкновенною; объ ней упоминается однажды въ плясовой пѣсни, и то для сдѣланія изъ нея сельскаго музыкальнаго инструмента. *Калина* была всегда неразлучна съ *малиною*, по ихъ противоположности, и служили метафорою при сравненіи горькаго въ жизни съ ея сладостями, иногда *лютаго свекра* съ *роднымъ батюшкой*. Гордый, красивый, величественный дубъ рѣдко былъ вос-

пѣтъ ими отдѣльно (можетъ быть отъ того, что нѣкогда былъ священнымъ, и хранилъ въ тѣни своей Прове, бога суда; въ ней-же укрывался и жрецъ Перуновъ, Соловей (*); за то они любили тѣнь молодой рощи, и, мечтая о милыхъ, воображали ихъ тоскующими въ *дубравушкахъ зеленыхъ.* (Мѣстомъ веселыхъ прогулокъ была, кажется, открытая долина, теряющаяся въ дальнемъ горизонтѣ: лишь въ *чистомъ полѣ*, въ *раздольицѣ широкомъ*, можно было *размыкать горе.*) Дикій, мрачный лѣсъ, въ который не проникаютъ и лучи солнца, называли они *темнымъ* или *сырымъ боромъ*, и населяли его птицами любящими глушь, робкими, тоскливыми. О немъ упомина-

---

(*) Въ Брянскихъ и Муромскихъ лѣсахъ показываютъ дубы, гдѣ привитала эта жертва первыхъ христіанскихъ витязей Россіи. На срубленномъ пнѣ одного изъ нихъ можетъ поворотиться тѣлега. Если въ Палестинѣ находятъ оливы современныя Соломону, то у насъ могутъ зеленѣть деревья, выросшія за сто лѣтъ до Св. Владиміра.

лось когда хотѣли изобразить свирѣпость времени года или что безотрадное: наступавшая зима разлучала-ли красавицу съ ея милымъ,—пѣвецъ говорилъ:

Воетъ *сырб борб* за горою;
Метелица въ полѣ!
Встала вьюга, непогода,
Запала дорога:
Оставайся, бѣдна пташка,
Запертая въ клѣткѣ!
Не отворишь ты слезами
Отеческій теремъ:
Не увидишь дорогова,
Ни прежняго счастья!

Приобыкнувъ болѣе къ странамъ твердой земли, къ суходоламъ, они предпочитали ихъ виды красотамъ волнуемой стихіи; пѣли лѣса̀, поля, долины и горокаты чаще, нежели озера̀ и рѣки съ ихъ чешуйчатыми жителями. Всякая водная глубь, шумящій водопадъ, заливы, омоты и водоемы, казалось, пугали ихъ воображеніе какъ населенные враждеб-

ными духами: туда увлечетъ Русалка, говорили язычники; тамъ нечистый утопилъ окаяннаго, твердили новые Христіане. Счислять изгибы ручейковъ, равно какъ и разряды цвѣточковъ, было слишкомъ мѣлочнымъ для душъ еще свѣжихъ, порывавшихся объять природу. Рѣки, не хранившія историческихъ воспоминаній (какъ Днѣпръ, Донъ и Дунай) не воспѣвались; а у Сѣверныхъ Россіянъ лишь въ пословицахъ слышались имена родныхъ рѣкъ: *сердце на Великой, душа на Волховѣ*, говорили Псковъ и Новгородъ. Самую царицу нашихъ рѣкъ, Волгу, начали пѣть въ народѣ со временъ лишь Петра, съ тѣхъ поръ какъ раздались пѣсни матрозовъ. — Одно разительное величіе моря съ его туманами и водными столпами (*), съ его пловучими исполинами, то въ шумѣ вѣтрилъ несущимися по чёрнымъ валамъ, то тихо лелѣемыхъ

(*) Въ *Словѣ о Полку Игоревѣ* они названы *Смерцами*.

струями свѣтлыми, одно море, стремя ихъ мысли къ безконечному, и гоня отъ нихъ житейскіе страхи, оцѣпляло ихъ души восторженнымъ изумленіемъ: На *синемъ морѣ*, по *синю морю*, за *синѐмъ моремъ*, все это зиждило для нихъ какой-то идеалъ безпредѣльнаго, и влекло ихъ въ міръ для земныхъ чуждый, но гдѣ обжились думы вдохновенія. — Тамъ, съ туманнаго мыса, теряясь въ необозримомъ слитіи водъ съ небесами, задумчивый взоръ пѣвца провожалъ рѣеніе отлетной птицы, надолго оставлявшей родный его берегъ. Тянулись ли надъ нимъ сѣрыя стада̀ дикихъ гусей, или вереницы журавлиныя, онъ мысленно вопрошалъ ихъ, куда летятъ они? кто ждетъ ихъ тамъ, за синѐмъ моремъ? — и если потерялъ онъ друга или милую, глубокій вздохъ сопровождалъ его вопросы,—и земное о чемъ-то неземномъ говорило его сердцу.—Нѣтъ уже и остатковъ тѣхъ пѣсней, въ которыхъ древніе наши пѣвцы, плывшіе съ добычами браней, и, утомленные хвалами

подвиговъ, пѣли лазурь влажнаго втораго неба: или, неповѣренныя хартіямъ, сгибли въ памяти народа, или въ буряхъ этого народа утратились ихъ начертанныя строфы. Преемники ихъ лиръ, и словесники, неуступавшіе пѣвцамъ въ образахъ поэтическихъ, не всегда бывали зрителями моря: для нихъ довольно было напояваться священною арфою Евреевъ, чрезъ нее постигать лѣпоту воднаго зрѣлища, и пламенить воображеніе.

Нельзя не обратить вниманія къ особенности весьма замѣтной въ этой Поэзіи: къ частымъ сравненіямъ человѣческаго быта съ жизнію и свойствами пернатыхъ. Пѣніе, крикъ, полетъ, витаніе птицъ и ихъ различные навыки всегда замѣчательны для юныхъ народовъ. Среди натуры новой, свѣжей, необжитой, въ мѣстахъ лѣсистыхъ, гдѣ рѣдко отзывалась сѣкира, человѣкъ, прислушиваясь къ говору птицъ , склонялся къ наблюдательному раздумью, и примѣнялъ свойства ихъ къ своимъ, или къ положенію, въ которомъ

находилось его сердце; между тѣмъ какъ другія животныя, то страшили его, то сами убѣгали его приближенія. Переѣзды изъ Кіева въ Новгородъ, на конѣ, чрезъ дебри непроходимыя (какъ мы видимъ во многихъ повѣстяхъ и въ поученіи Мономаха), а при томъ и состояніе тогдашней Россіи, гдѣ даже у свѣтлицъ и гридней начинался темный боръ съ пещерою пустынника, все это дружило людей съ кроткими жителями лѣсовъ и поднебесья 16). Бодрый духомъ и силами витязь, остановивъ коня своего, смотрѣлъ на прыткость сокола, кречета, и думалъ: это я!— Любовница, разлученная съ милымъ, не могла наслушаться горлицы, говоря: это я!—Сирота и вдовица тихо забывались при размѣрномъ стонѣ кукушки, говоря со вздохомъ сердца: это мы! — Наши древніе вообще имѣли какое-то уважительное чувство къ пернатымъ: онѣ возносятся отъ земли,—ихъ называли *птицами небесными* 17). Голубь и ласточка были ихъ любимцами: первый по своей

нѣжности, а со временъ нашего Христіанства и по религіозной идеи; другая по способности обживаться съ людьми, вить гнѣздо близъ ихъ жилищъ, и съ пріятнымъ щебетаньемъ кружиться, какъ бы лаская ихъ жителей: раззорить ихъ гнѣздо было грѣхомъ. — Голубь и ласточка нерѣдко сочетавались въ образѣ двухъ нѣжныхъ супруговъ 18). Ничего не можетъ быть вѣрнѣе тѣхъ примѣненій, коими племена пернатыхъ украшали пѣсни нашихъ древнихъ. Желая похвалить поэта или пѣсельника, примѣняли его къ соловью; красавца свѣтлоокаго, миловиднаго, къ соколу, съ прибавленіемъ *ясный*. Желали-ль представить походку величавой красавицы,—напоминали себѣ размѣрную и плавную выступку павы; желали-ль возвысить ея бѣлизну, гибкость ея стана и шеи,—примѣняли ее къ лебеди, что, можетъ быть, дало имя и сестрѣ Кіевой. Сіи примѣненія едва-ли родились въ восторгахъ Поэта: ихъ начало въ поговоркахъ юнаго народа, коего впечатлѣнія

всѣ живы, а проявленія оныхъ всегда поэтически живописны. Уже оттуда перешли онѣ и въ Поэзію нашу. Пѣвецъ знаменитаго *Слова о Полку Игоревѣ* обиленъ въ уподобленіяхъ сего рода.

Желательно, чтобы разбиратель, проходя исторію нашей Поэзіи, счастливѣе своихъ предшественниковъ указалъ на всѣ красоты сего памятника нашей древней лиры (*), въ которомъ встрѣчаемъ не одну силу образовъ, истинно Оссіянскихъ, но и полноту плана; сего дикаго, но величественнаго созданія, которое появилось за сто лѣтъ до поэмы Данта, изумившей народы запада, и означившей возрожденіе письмянъ ихъ въ области вдохновенія.

Не всѣ соглашаются назвать ее поэмою. Но что намъ до имени! Гомеръ и Еврейскіе пѣснопѣвцы не знали, какъ назовутъ плоды ихъ восторговъ. Тонкая уловка ны-

---

(*) Авторъ не видалъ еще разбора покойнаго А. Пушкина.

нѣшнихъ авторовъ названіемъ заманивать читателей была также неизвѣстна. Соглашаемся на имя, какое далъ ей самъ скромный авторъ: *слово*, то-есть сказаніе, сказка, хотя онъ въ первыхъ строкахъ вступленія называетъ ее и пѣснею; но эта сказка содержанія не вымышленнаго; сочинена *по былинамъ времени*, и тѣмъ для насъ еще драгоцѣннѣе: писана природнымъ, истиннымъ поэтомъ, — и въ семъ-то отношеніи могла быть нѣкоторымъ дивомъ тогдашней Европейской піитики 19).

Замѣтимъ кстати, мимоходомъ, что во Франціи не было тогда ни малѣйшаго понятія о Поэзіи: Труверы ихъ не извлекли ни одного складнаго звука; ихъ Трубадуръ, Графъ Пуатевенскій, современникъ пѣвца Игоря, лишь низалъ слова для цитры, и языкомъ ужаснымъ. Сами Французы читаютъ съ отвращеніемъ и почти не понимаютъ Тибальда, Графа Шампанскаго, въ XIII уже вѣкѣ пѣвшаго Королеву Бланку. Тоже и съ ихъ ста-

ринною прозою въ сравненіи съ нашею: можно ли сравнить въ богатствѣ идей, въ силѣ, въ полнотѣ чувства, и въ самомъ благозвучіи, духовную Лудовика Святаго съ духовною Владиміра Мономаха, которая ровно полутораста годами древнѣе Лудовиковой?—Языкъ нашъ, смягченный звуками Греческаго по сношеніямъ съ Византіей, давшей намъ не одно Православіе, но (вопреки нѣкоторымъ умникамъ) столь благодѣтельной для насъ и дарами образованности, сей языкъ, принявъ нарѣчіе Меѳодія и Кирилла, уже становился и *нѣженъ какъ любовь и звученъ какъ перуны.* — Тоже скажемъ и объ изящныхъ искусствахъ: первые живописцы запада, Чимабуе съ товарищами, лишь въ XIII вѣкѣ получили отъ Византіи начальныя правила своего искусства (коимъ въ послѣдствіи два великана, Буонаротти и Санціо, изумили вселенную), между тѣмъ какъ Русскіе, вмѣстѣ съ Греками, живописали еще при Ярославѣ - Законодавцѣ, а въ XII вѣкѣ имѣли своихъ живописцевъ.

Ваяніе, муссія и зодчество также являли образцы ихъ произведеній; —однимъ словомъ, Россія до междоусобій и Монголовъ исполински двигалась къ просвѣщенію, когда Западъ утопалъ въ варварствѣ феодализма и причудъ Папскихъ, унизительныхъ для человѣчества 20). — Какой народъ, въ концѣ XV вѣка могъ представить что нибудь подобное Вассіанову *посланію къ Іоанну III*, не смотря на тогдашнее порабощеніе Россіи 21)? — Что же принадлежитъ до Поэзіи, то она, въ сію годину бѣдствія, пришла въ совершенный упадокъ, что видно изъ нѣкотораго собранія старинныхъ Русскихъ Стихотвореній, отзывающихся XVI и XVII столѣтіями 22). Тамъ, какъ бы въ доказательство, сколь живущà слава въ сердцѣ Русскаго, осталась тѣнь поэтическаго, и то въ какихъ-то стихотворныхъ сказкахъ или историческихъ пѣсняхъ, гдѣ онъ беретъ верхъ надъ чуждыми племенами въ конномъ ристаніи и въ борьбѣ рукопашной 23). Въ одной изъ таковыхъ пѣсенъ

имя рѣки Дуная выведено отъ имени одного храбреца временъ Владиміровыхъ; въ другой, витязь Казариновъ сразивъ многихъ Татаръ, освободилъ Русскую красавицу; въ третьей, какой-то нашъ богатырь побилъ цѣлый народъ, заѣхавъ къ какому-то Царю.

Та́къ сыны Россіи, стонавшей еще подъ игомъ, или едва освобожденной, бодрили себя какимъ-то чувствомъ превосходства надъ другими народами, какъ бы дивясь цѣпямъ своимъ; и не давали угасать ему въ сердцахъ, ожидая чреды величія и славы [24]).

Не смотря на то, повторяемъ, что Поэзія, въ собственномъ своемъ значеніи, пришла въ упадокъ, минутно оживленная лишь побѣдою надъ Мамаемъ, и то въ подражаніяхъ. Ни слава Великаго Іоанна, истиннаго отца знаменитости Москвы и Россіи [25]), ни покореніе царствъ его внукомъ, ничто не разбуждало ея летаргіи. Въ XVII вѣкѣ Симеонъ Полоцкій писалъ не лучше Графа Тибальда, и, даже въ

началѣ XVIII, Кантемиръ не превосходилъ Ронсара: какъ Россія ждала Петра, такъ ея Поэзія и самый языкъ ждали Ломоносова.

Но мы отклонились отъ своего предмета обращеніемъ, принадлежащимъ лишь Историку нашей Поэзіи. Возвратимся къ ея цвѣтущему періоду, ознаменовавшему счастливое начало нашего просвѣщенія, и заключимъ краткимъ обзоромъ упомянутаго нами *Слова о Полку Игоревѣ*, сего лучшаго образца, уцѣлѣвшаго и отъ руки времени и отъ придумокъ перелагателей.

Оставивъ господамъ ученымъ доискиваться, точно-ли эта пѣснь современна происшествію въ ней воспѣтому, или, вопреки самому Пѣвцу, новѣе онаго двумя, тремя столѣтіями (*), замѣтимъ только, что она не поддѣльная и не новая. Поэтъ временъ недавнихъ избралъ бы изъ на-

(*) Пѣвецъ говоритъ: »Начнемъ отъ стараго Владиміра до *нынѣшняго* Игоря.«

шей Исторіи событіе гораздо важнѣйшее и блистательнѣйшее; но здѣсь и маловажное и не весьма лестное для народной гордости описано съ совершенною подробностію обстоятельствъ и даже мѣлочей тогдашняго быта, который, по близкому преданію, былъ еще въ памяти автора; новѣйшій не столь удачно выставилъ бы лица баснословныя, и не совсѣмъ воскресилъ бы старый языкъ Русскій, съ котораго поэтъ нигдѣ не сбивается. Съ тѣхъ поръ какъ Россіяне оставили его первобытное нарѣчіе, и обратились въ письменахъ высокаго слога къ Библейскому, болѣе благозвучному, никто не изучалъ его съ такою прилежностію, чтобы для шутки, написать на немъ цѣлую поэму. Быть можетъ, переписчики измѣнили кое-что, и тѣмъ ввели нѣкоторыхъ въ сомнѣніе: за то сколько тамъ ручается за оригинальность цѣлаго 26)!

Содержаніе и планъ этой Русской Ироиды былъ изложенъ многими писателями:

ограничимся обозрѣніемъ ея отдѣльныхъ красотъ.

Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* мы встрѣчаемъ подробности въ изображеніи мѣстностей, климата, нравовъ, обычаевъ, одеждъ и оружій, напоминающія царя пѣвцовъ; хотя все это отрывисто и въ нѣкоторомъ родѣ эскизовъ, но смѣлыхъ и оригинальныхъ. Многіе образы, метафоры, гиперболы и эпитеты не уступаютъ лучшимъ въ древнихъ поэмахъ: тамъ вѣщіе персты Баяна, соловья стараго времени 27), его живыя струны, сами славу рокотавшія; тамъ образцовое призываніе сего Барда, который, готовясь пѣть, растекался мыслію по землѣ, или, подобно орлу, парилъ ею подъ облаки. Тамъ Князи шестокрылые; — тамъ *Ярославъ-осмомыслъ* подпираетъ горы Венгерскія своими *желѣзными* полками; — тамъ герой Всеволодъ могъ бы Волгу раскропить веслами, Донъ шлемами выччерпать. Тамъ все Гомеровское, дивное, но правдоподобное, и только облеченное въ иносказа-

тельные образы. Тамъ воины подъ звукомъ трубъ повитые, концемъ копья вскормленные; — тамъ дружины храбрыхъ, то подобно воламъ раненымъ рыкающія въ полѣ, жажда сѣчи, — то приодѣтые крылами птицъ, если пали въ пустынѣ, въ полѣ незнаемомъ; — тамъ Изяславъ, позвонивъ острыми мечами о шлемы Литовскіе, роняетъ жемчужную свою душу изъ храбраго тѣла; — тамъ Игорь спѣшитъ переломить копье на томъ краѣ поля Половецкаго, сложить главу свою, или шлемомъ достать воды изъ Дону. — Готовится-ль роковой бой съ мрачными предзнаменованіями: ихъ изображеніе напоминаетъ Оссіана. — Видимъ чудесное: Игорю предстоитъ сражаться — съ богами! »Се вѣтры, Стрибожьи внуки, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрые полки Игоревы: земля стонетъ, мутно текутъ рѣки, пары туманятъ поляны, знамёна шумятъ, Половцы идутъ отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ.« Въ этой ужасающей картинѣ, достойной Эпопеи, видимъ, что

ожидаетъ героя. Слѣдуетъ самая живая картина трехдневной битвы, гдѣ Игорь состязается не съ одними Половцами, но и съ вѣтрами противными и съ томительнымъ зноемъ при безсиліи внуковъ Даждь-бога 28), — битвы, которая прекратилась когда уже изъ Русскихъ некому было сражаться: и конецъ ея уподобленъ пиру, на которомъ кроваваго вина не достало. Тщетно герой Всеволодъ стоитъ какъ ярый волъ 29), прыщетъ стрѣлами на враговъ, гремитъ объ нихъ мечами: куда лишь вринется, гдѣ лишь сверкнетъ златый шлемъ его — тамъ лежатъ головы Половецкія, — тщетно: возстала Обида на внуковъ Даждь-бога, ступила на землю въ видѣ дѣвы, всплескала лебедиными крылами на синѐмъ морѣ у Дона, и разбудила времена тяжкія. Это бой Гектора: въ немъ участвуя, боги возстали на боговъ: тогда пали стяги Игоревы, и дѣвы чуждыя воспѣли звоня Русскимъ златомъ. Вмѣстѣ съ пѣвцомъ, унываетъ и сѣтуетъ вся природа. Державный ста-

рецъ, Святославъ, оплакиваетъ судьбу юныхъ Князей, и вспоминаетъ счастливые дни, когда Россіяне, безъ щитовъ, однимъ крикомъ побѣждали гремя славою прадѣдовъ. Сраженный злою вѣстію, онъ роняетъ златое слово со слезами смѣшенное: ужели, говоритъ онъ, не помолодѣю для спасенія отчизны и престола? развѣ соколъ перелинявшій не взбиваетъ высоко птицъ на воздухѣ, чтобъ не дать въ обиду гнѣзда своего? — Сильно и трогательно поэтъ сзываетъ всѣхъ Князей, характеризуя каждаго, заградить поле стрѣлами за обиду земли Русской и за раны Игоря! Наконецъ восклицаетъ: зачѣмъ не безсмертенъ былъ старый Владиміръ; зачѣмъ духъ его не прильнулъ къ горамъ Кіевскимъ!... — Но вѣтръ лелѣетъ корабли на зыбяхъ моря, и несетъ Игоря на родину, къ древнему лику Богоматери 30), къ златому отчему престолу; соловьи возвѣщаютъ радостное утро; дѣвы поютъ на Дунаѣ; голоса ихъ вьются чрезъ море до Кіева, — и Донецъ-рѣка, олицетворясь,

привѣтствуетъ героя. Радость изображена такъ-же удачно какъ и печаль: соколъ къ гнѣзду летитъ! Россіи возвращенъ тотъ, кто былъ для нея вторымъ солнцемъ!

Здѣсь видимъ и эту Россію, еще полудикую въ объемѣ странъ и народовъ ею вмѣщаемыхъ, но жаждущую славы, и уже съ воспоминаніями о славѣ. Здѣсь выказанъ весь ея характеръ: духъ воинственный и склонность къ мирнымъ трудамъ земледѣлія, а при томъ и къ шуму пировъ веселыхъ: поле битвы уподоблено, то сельскому гумну, гдѣ, вмѣсто сноповъ стелятъ головы, молотятъ цѣпами булатными, на току жизнь кладутъ, вѣятъ душу отъ тѣла,—то пиру брачному, гдѣ наши воины сватовъ упоили, и сами полегли за землю Русскую (*). Тамъ Рус-

---

(*) Слово—*сваты* здѣсь употреблено поэтически, означая враговъ, которые сосватали Русскихъ со смертію; а можетъ быть и согласно мнѣнію Г. Буткова, который называетъ Половцевъ нашими сватами потому, что ихъ Княжны часто вступали въ супружество съ нашими Князьями.

скій Князь не измѣняетъ примѣру перваго Святослава, и изо всей добычи многоцѣнной беретъ себѣ одно оружіе 31). Слышимъ слова́, которыя онъ какъ бы завѣщалъ всѣмъ сынамъ Россіи: мертвымъ не стыдно—умремъ или прославимся!—Тамъ любовь къ отечеству затмѣваетъ все, чѣмъ жизнь мила, чѣмъ жизнь украшена: пощадитъ ли собою Всеволодъ; какія раны будутъ тяжки ему, когда онъ оставилъ прелести милой Глѣбовны? Чувство патріота вездѣ проглядываетъ въ пѣвцѣ: оно прорывается въ повтореніяхъ: О! далеко залетѣлъ соколъ, гоня птицъ къ морю! — О! стонать тебѣ, Русская земля! сыны твои уже за высотами, въ мѣстахъ незнаемыхъ, опасныхъ для битвы 32)!

Говоря о слогѣ этой пѣсни, рецензентъ-наблюдатель замѣтитъ мастерскіе переходы отъ зрѣлища рати утомленной боемъ къ новому, ободряющему возобновленіемъ битвы: »что ми шумитъ, что ми звенитъ рано предъ зорями? Игорь спѣшитъ съ полками свѣжими возобновить сѣчу;« —

и отъ печальнаго и унылаго къ живому, сильно-порывистому, когда, изобразивъ стонъ и плачь отечества, пѣвецъ начинаетъ описывать морскую бурю, спасшую Игоря отъ плѣна: »Прысну море по полуночи...« и пр. Этотъ переходъ разителенъ по самымъ звукамъ приноровленныхъ словъ, краткихъ, отрывистыхъ, игривыхъ: какую-то радость сулитъ намъ эта буря.

При началѣ сего взгляда на нашу древнюю Поэзію, мы говорили о глубокой чувствительности тогдашнихъ пѣвцовъ. Нельзя не замѣтить ее и здѣсь, повторяя жалобы Ярославны. Здѣсь искусство поэта, сближаясь съ сердцемъ человѣческимъ, дѣлаетъ и невѣроятное правдоподобнымъ: Ярославна еще ничего не знаетъ о бѣдствіяхъ Игоря, но, по какому-то предчувствію, изчисляетъ ихъ въ своихъ взываніяхъ, какъ свидѣтельница битвы и причинъ гибели полковъ его. Она съ зубчатыхъ стѣнъ града Путивля, какъ оставленная горлица по утрамъ воркующая, стонетъ; хочетъ птицею полетѣть по

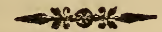
Дунаю, омочить бобровый рукавъ свой въ рѣкѣ Каялѣ, и отереть Князю кровавыя раны; — обращается ко всему творенію: къ вѣтрамъ, навѣвающимъ стрѣлы вражія на полки Игоря: или мало горъ подъ облаками гдѣ бушевать имъ; или мало имъ кораблей развѣвать на синемъ морѣ? — зачѣмъ развѣяли по травѣ ковылу ея веселіе? — къ Днѣпру, который, пробивъ каменныя горы сквозь землю Половецкую, нѣкогда лелѣялъ суда Святослава на волнахъ своихъ, чтобъ онъ прилелѣялъ къ ней милаго Игоря, и не слать бы ей слезъ по утрамъ на море; — къ солнцу, которое для всѣхъ свѣтло и красно, только ей одной гибельно простря горячій лучь свой на полки супруга, и утомивъ ихъ жаждою въ полѣ безводномъ.

. . . .

Они прошли, и невозвратно, вѣка любви чистой, восторженной, безкорыстной; времена жертвъ и самоотверженія: наступили времена расчетовъ, выкладокъ, чего-то уродливаго, которое назвали *положитель-*

нымъ въ жизни человѣческой и въ Поэзіи народовъ; — и все это прежде нежели Русскіе успѣли разслушать, разобрать, оцѣнить пѣсни Бардовъ своихъ и вздохи своихъ трубадуровъ. Мы даже не имѣли времени передать своей новой лирѣ нѣжныхъ отголосковъ старины. Лишь только *пѣнье смолкло въ теремахъ*, наши дѣды назвали ее слишкомъ простонародною, и упали въ *Ты погибель мою строишь*. Отцы, наслѣдовавъ это пренебреженіе, сохраняли его упорно 33). Едва Карамзинъ, коего сердце влюбленное въ отечество разливалось по всему Русскому, успѣлъ напомнить о ней плѣнительными строками своей прозы; едва Дмитріевъ началъ воскрешать ее и лирой и цѣвницей, а Мерзляковъ слѣдить ея отзывы 34), какъ наступила эпоха всемірной вражды противъ всего нѣжнаго и чувствительнаго, а равно и противъ всего что связываетъ съ роднымъ краемъ: и у насъ также обуяла трагедія, сверкнули ножи убійцъ, явились удавленники, отравители; невинность,

первая любовь, любовь супруговъ, семейный бытъ, все близкое къ природѣ, все, что искони плѣняло поэта и было для него священнымъ, сдѣлалось жертвою ироніи: то-есть, Русскіе не измѣнили столѣтней привычкѣ раболѣпно подражать Западной Европѣ. — Знаемъ, что новые всевременники повеличаютъ насъ именемъ Славянофила 35): такъ и быть, — но желаемъ, чтобы, хотя на время, задержался потокъ разочарователь, и Русскіе вспомнили и похвалили бы свою старину.



МЫСЛИ
и
ЗАМѢЧАНІЯ,
ОТНОСЯЩІЯСЯ КЪ ЭТОМУ СОЧИНЕНІЮ.

(изложены здѣсь въ видѣ выносокъ или примѣчаній).

1) Еще встрѣчаются съ нами Русскіе, которые изучали Исторію отечества по Леклерку и Левеку, и наблюдали его бытъ по злымъ и нелѣпымъ указаніямъ Аббата Перреня съ товарищами. — Родители! ужаснитесь мнимоневиннаго желанія, чтобъ дѣти ваши отличнѣе другихъ лепетали на чужомъ языкѣ, оставляя въ небреженіи свой, богатый и благозвучный! Пусть сердца ихъ плѣнятся сперва родными его звуками, пусть на немъ предадутся имъ событія отечества, слава и высокія добродѣтели предковъ: возгордясь прежде своимъ, они отдадутъ справедливость и чуждому, хваля достойное хвалы; порицая достойное порицанія: лишь тогда

иноплеменникъ не улыбнется ихъ невѣжеству, и Якобинство, питающееся охлажденіемъ сердца, не коснется ихъ сердецъ. Пусть будутъ они просвѣщенными, но просвѣщенными Россіянами — и тѣнь Петра не разобьетъ, подобно Моисею, скрижалей своихъ, гдѣ Великій начерталъ намъ и прочное могущество и безпримѣрную славу.

Но онъ самъ — думаютъ невѣжды — сдѣлалъ насъ не-Русскими. Скажемъ въ отвѣтъ на таковые толки: ему слѣдовало начать съ чего нибудь, и нельзя было начать лучше; но жизни одного человѣка недоставало, дабы видѣть насъ и просвѣщенными и въ тоже время Русскими. Чьи уста смѣютъ произнесть, что Великій не хотѣлъ этого? Нѣтъ, кто сѣялъ дубы для будущихъ вѣковъ, кто *постригался* въ Цари, кто надорвалъ душу и истеръ руки, тотъ любилъ Россію болѣе временной славы, и глядѣлъ для нея далѣе гроба. Застроивъ исполински, смертный умеръ — и полувѣковое нерадѣніе исказило многое въ его зданіи. Впрочемъ, не совсѣмъ бѣда еслибы мы и остались добрыми и умными Голландцами, добрыми и умными Нѣмцами; но кто велѣлъ намъ сдѣлаться Французами, и звуками лишь ихъ

языка наполнить свои гостиныя? Конечно не тотъ, кто сказалъ Регенту Франціи, что выжечь половину Парижа было бы важнымъ благодѣяніемъ для человѣчества. Сердце Екатерины, истинно второй по немъ, испугалось видя безмѣрную привязанность нашу къ языку Французовъ, и презрѣніе къ своему. Она, занявшись сама Русскою Словесностію, и велѣвъ посламъ своимъ увѣдомлять ее по-Русски, наложила штрафъ на своихъ Царедворцевъ за каждое чужеземное слово въ собраніяхъ Эрмитажа. Ея Преемники не преставали стремиться къ этой благотворной цѣли. Училища размножились; написалась Исторія Государства, одно изъ превосходнѣйшихъ твореній XIX вѣка; мореходство наше имѣетъ уже своихъ дѣеписателей; подвиги сухопутнаго оружія воспомянуты съ опроверженіемъ нелѣпицъ враговъ и завистниковъ нашихъ (*). Духовные

(*) Нужно ли напомнить читателю, что съ 1814 года, изъ миріады историческихъ записокъ и историческихъ романовъ о позднѣйшихъ событіяхъ, не вышло во Франціи почти ни одного тома, гдѣ бы Россія не была осыпана или насмѣшками или ругательствами, растворенными самою безстыдною ложью и хвастовствомъ, равно безстыднымъ.

ораторы уже соединили силу и простоту съ чувствомъ, симъ родникомъ выспренняго; переводъ Иліады достоинъ подлинника; пѣвцы наши дивно прогремѣли на лирѣ.... а еще многіе изъ насъ почти хвалятся незнаніемъ своего языка и тѣхъ святыхъ обычаевъ, которые сдѣлали бы честь всякому народу! — За то Французы и обвиняютъ нашъ языкъ въ бѣдности, слыша въ разговорахъ нашихъ изъ десяти словъ одно навѣрно иностранное; — за то Англичане, которые, по словамъ Карамзина, »лучше хотятъ свистать и шипѣть по-Английски, даже съ своими любовницами, нежели говорить чужимъ языкомъ, извѣстнымъ почти всякому изъ нихъ,« едва изустно не выражаютъ своего презрѣнія къ нашимъ бесѣдамъ на языкѣ не-Русскомъ (*).

(*) Удовлетворенное самолюбіе Француза тотчасъ отплатитъ комплиментомъ за разговоръ на его языкѣ. Англичанина задобрить труднѣе: что хвалитъ онъ въ душѣ своей, то хвалитъ и устами; но вы не добьетесь отъ него ни слова о томъ, что внутренно онъ порицаетъ. И такъ наблюдайте его физіогномію: тамъ, сквозь обычную холодность и неизмѣняемость въ чертахъ лица, увидите однакожъ порядочный приговоръ себѣ.

2) Совѣтуемъ наблюдателю вслушаться въ распѣвный плачь сельскихъ матерей и сестръ при отпускѣ невѣсты, на проводахъ воина и при похоронахъ, издревлѣ неизмѣняемый, и подслушать ихъ такъ называемыя *причитанія*. Тамъ, между незначущихъ и простыхъ выраженій, найдетъ онъ много рѣзкихъ черт глубокаго чувства и поэтическихъ оборотовъ, которые поразятъ его. Ни одинъ народъ въ своихъ обрядахъ и повѣрьяхъ не являетъ ничего подобнаго. Давность, не только самаго обычая, но даже и словъ похоронныхъ *причитаній* доказывается сходствомъ ихъ съ плачемъ Евдокіи по Димитрію Донскому, сохранившемся въ преданіяхъ письменныхъ (въ забавахъ народа примѣтно различіе между званіями, но въ скорбяхъ сердца всѣ люди роднятся). Не найдемъ народа, у котораго было бы столько аллегорическаго и картиннаго, не только въ минуты сильныхъ душевныхъ потрясеній, но и въ простыхъ поговоркахъ, пословицахъ, присловицахъ, и тому подобномъ (*): клятва при заключеніи мира была:

(*) Классическій ихъ сводъ изданъ Г-мъ Снѣгиревымъ.

пожелтѣть намъ какъ это золото; вмѣсто: умремъ здѣсь въ битвѣ, говорилось: *ляжемъ костьми ту*; вмѣсто: Ярославъ отдохнулъ — *отеръ потъ*, говоритъ Несторъ; быть на одрѣ смертномъ — *сидѣть на санѣхъ* (на которыхъ всегда возили усопшихъ); пріобрѣсть съ опасностію жизни — *добыть головою.* — *Поклониться Св. Софіи* — значило посѣтить Новгородъ; — *Новгородъ Государь нашъ* значило: мы республиканцы; — *взять на эпитрахиль* — взять подъ защиту Церкви и Духовенства; — *играть душею* — дѣйствовать противъ совѣсти, и пр.

3) Во многихъ старинныхъ пѣсняхъ говорится о *кроватушкѣ тесовой*, стоящей подъ сосною или ивой, и о лежащей на ней красавицѣ. Мы не смѣли бы пропѣть ихъ въ нашихъ ротондахъ: сотня личекъ осѣнились бы вѣерами, не всегда употребляемыми въ будуарахъ. Не рѣшаемся говорить такъ смѣло отъ себя, какъ говорилъ смѣльчакъ XVIII вѣка: »D'ou vient notre délicatesse? c'est que plus les moeurs sont dépravés plus les éxpressions deviennent mesurées. On croit regagner en paroles ce qu'on a perdu en vertu.« *Voltaire.* — Вотъ что сказалъ и совре-

менный ему чудакъ: »Plus l'interieur se corrompt et plus l'exterieur se compose.« *J. J. Rousseau.* Нельзя такъ строго осудить всѣ наши общества: ихъ можно порицать лишь въ младенческомъ подражаніи ложной скромности, какъ и въ подражаніи всему.

4) Мы не даромъ употребили здѣсь слово *несовратное просвѣщеніе*. Новые Французы, на примѣръ, думаютъ, что они достигли его высочайшей точки: нѣтъ, *совратясь* еще при Регентствѣ и Лудовикѣ XV, они и въ Политикѣ и въ Литтературѣ и въ образѣ жизни выставляютъ лишь галиматью на ходуляхъ. Площадное и чудовищное выказываются подъ личиною естественной простоты человѣка, равно какъ и буйство и всѣ неистовыя страсти подъ личиною свободы мыслить и дѣйствовать. (Избранники вкуса и прямой Поэзіи: Шатобріанъ! Ламартинъ! — простите мнѣ: я говорилъ о вашихъ соотечественникахъ). — Нельзя сослаться имъ на Англичанъ: этотъ умный народъ, или высшій классъ его, къ несчастію, одержимъ сплиномъ, который разбить силятся всѣ ихъ писатели и даже актеры, разбить его чѣмъ бы то ни было. У нихъ, еще при авторѣ

Заиры, вмѣсто того чтобы ей плакать, она каталась по полу, и бѣдный Оросманъ не зналъ, произносить-ли ему славное: *Zaïre, vous pleurez!* — Къ ихъ оправданію, явился у нихъ гигантъ Байронъ, и поднялъ чудовищное такъ высоко, что мы не примѣтили въ немъ отвратительнаго. За то стоитъ лишь взглянуть на ихъ политическій, гражданскій, семейный бытъ, и вы увѣритесь, что они не такъ мыслятъ и живутъ, какъ пишутъ ихъ романтики для разогнанія ихъ сплина.

5) Уподобляя все горькое калинѣ, все сладкое малинѣ, пѣли: »*Ой Диди, калина моя! Ой Ладо, малина моя!* (*)« Припѣвы съ именами этихъ боговъ образовали иногда хоры, и одна половина игравшихъ и пѣвшихъ перекликалась съ другою какъ и донынѣ въ игрѣ: *А мы просо сѣяли;*

(*) Этотъ припѣвъ съ младенчества привыкъ я слышать у себя въ деревняхъ трехъ разныхъ Губерній, въ уѣздахъ Серпуховскомъ, Каширскомъ и Мещовскомъ. Вотъ что рѣшило меня въ книгѣ: *Отечественная Галлерея*, томъ II, стр. 234, не согласиться съ Исторіографомъ и другими, будто *Дидъ* значило великій, а также и съ тѣми, которые думали, что *Дидъ*

иногда круглые хороводы около кумира, какъ и нынѣ въ игрѣ: *Посѣемъ мы маку*, и пр. Вѣроятно, что отъ слова *ладъ* (супругъ) произошло и ладить (жить согласно), и названіе бога счастливой любви. Здѣсь не можетъ служить примѣромъ противнаго пѣсня: »*У меня ладо змѣя скоропѣя*« и пр., гдѣ это слово употреблено или иронически, или уже по обычаю называть всякаго мужа *ладомъ*. Слово *супругъ* не долженствовало-бы относиться къ одному лицу: оно означало пару, чету, со-упряженную въ многотрудномъ оралѣ жизни; слова *супругъ воловъ* служатъ тому вѣрнымъ доказательствомъ. *Лада* назвали супругомъ, или лучше супружникомъ, а *хоть* супругою или супружницей лишь церковные наши учители, чтобъ истребить слѣды язычества и всего чувственнаго даже и въ самыхъ звукахъ именованій. Такъ важна, строга и сте-

Ладо значило *старый мужъ*. Противъ послѣдняго заключенія предложу, въ примѣръ, два перевода: первый, »мы просо сѣяли, о боги любви! сѣяли« (здѣсь мы находимъ, какъ и у всѣхъ древнихъ, разрывъ стиха или фразы воззваніемъ къ богамъ). Другой: »мы просо сѣяли, о старый мужъ! сѣяли.« Думаю, что послѣдній переводъ заставитъ лишь улыбнутся.

пенна Христіанская Религія! Удаляя насъ отъ всѣхъ земныхъ сластей, и указуя ихъ лишь въ небѣ, она представляетъ намъ эту краткую жизнь какъ поприще обязанностей, нуждъ и труда, и тѣмъ утѣшаетъ здѣшнихъ страдальцевъ.

6) Жаль, что прямое Церковное пѣніе, *Грегоріанское*, и даже тоны возгласовъ первобытнаго Христіанства, долженствовавшіе по всему быть нашими, изчезли у новыхъ Грековъ и у насъ, и перешли въ церковь Западную, которая хранитъ ихъ безъ всякихъ измѣненій. Слушая въ Римско-Католической киркѣ напѣвы и возгласы *Грегоріанскіе*, мы переносимся мыслію въ первобытные Византійскіе храмы, съ желаніемъ возвратить Православію древнюю собственность, единственное похищеніе, которое сдѣлали у него Паписты. Вообразивъ сліяніе сихъ возгласовъ, отзывающихся Аароновыми, сего пѣнія души мужественной, но сокрушенной, съ велелѣпіемъ прямо святымъ нашего богослуженія, мы не удивимся, что послы Владиміровы думали быть на небесахъ. Не только наши композиторы обѣденъ, самъ старинный Марчелло, подходив-

шій къ этимъ напѣвамъ ближе другихъ, не изобрѣли ничего подобнаго; а Перголези, какъ будетъ сказано далѣе, даже портилъ ихъ своими агрементами.

7) Можетъ быть, нѣкоторые удивятся, узнавъ, что слова относящіяся къ колоколамъ, и поставленныя курсивомъ, были сказаны Наполеономъ (въ конференціи по случаю Конкордата): не удивятся лишь тѣ, которые умѣли находить въ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ оратора и даже поэта. — Многіе думаютъ, что дѣйствіе дальняго колокола производится на насъ болѣе вечеромъ, при склоненіи солнца къ западу, и что лишь тогда, въ благовѣстномъ звукѣ всенощной, онъ погружаетъ въ размышленіе о чемъ-то таинственномъ: нѣтъ, — все живо еще и дѣятельно вечеромъ; — но кто привыкъ пробуждаться и быть въ полѣ рано, когда почти все спитъ и отдыхаетъ въ природѣ, не поетъ еще и жаворонокъ, и тамъ слышать протяжный благовѣстъ къ заутрени, лишь тотъ пойметъ въ этомъ звукѣ прямо неземное. — Скажемъ нѣчто и о торжественности звона: не мудрено, что Викторъ Гюго въ безобразномъ романѣ своемъ, *Notre Dame de*

Paris, вмѣсто всѣхъ трогательныхъ воспоминаній отечества, коихъ исполненъ этотъ базиликонъ, явился лишь холоднымъ антикваріемъ зодчества Среднихъ вѣковъ, и какимъ-то ѳеоретистомъ-звонаремъ. Ему ничего болѣе не внушилъ бы и самый благовѣстъ нашей Московской заутрени въ день Свѣтлаго Воскресенія: мы и тогда не нашли-бы въ его страницѣ той важности, которую употребилъ Шатобріанъ въ своемъ *Genie du Christianisme, Tome VII. edit.* 1804, или Наполеонъ въ своемъ совѣщаніи о Конкордатѣ. Но, къ удивленію нашему, другой Французъ, именно Ламартинъ, рѣшился, вопреки сердцу, не признать звуки колокола согласными съ внутреннимъ чувствомъ этого сердца (*Souvenirs pendant un voyage en Occident, seconde lettre du Novembre* 1832!) — Впрочемъ, во многихъ мѣстахъ его сочиненія видно, что Ламартинъ не хотѣлъ встрѣтиться съ авторомъ двухъ книгъ: *les Martyrs* и *l'Itineraire*, то-есть, единоборствовать съ исполиномъ, — и предпочелъ противорѣчить ему, и даже самому себѣ, (см. стихотвореніе Ламартина: *la Semaine Sainte*.) Можетъ быть, по одной этой причинѣ, онъ сдѣлался тутъ любителемъ зовнаго крика съ минаретовъ, исчезающаго во

ста шагахъ. Современники! вотъ и поэты ваши!.....

8) Замѣчая духъ рыцарства въ древней нашей Поэзіи, можно сказать тоже и о духѣ самаго народа, и не по однѣмъ стариннымъ сказкамъ, гдѣ сила и мужество вездѣ побѣждаютъ насильственное чародѣйство для спасенія красоты и невинности: »Историки Византійскіе говорятъ о нашихъ предкахъ, какъ о чудесныхъ людяхъ, которымъ ни что не могло противиться, и которые отличались отъ другихъ сѣверныхъ народовъ не только своею храбростію, но и какимъ-то рыцарскимъ добродушіемъ«. *Карамзинъ.* — Просвѣщенная Православіемъ Россія, лишась первобытной дикости, удвоила въ себѣ признаки этого качества.

9) Пѣсни брачныя, коихъ давность доказывается письмомъ Владиміра Мономаха къ Олегу, не перестаютъ трогать сердце. Нѣтъ болѣе теремовъ; родители уже рѣдко неволятъ дочерей вручать себя неизвѣстному вопреки склонности, а мы плачемъ еще при нѣкоторыхъ свадебныхъ пѣсняхъ, изображающихъ намъ этотъ важный переломъ жизни. Провожаніе къ вѣнцу было весьма трога-

тельнымъ: спокойная невинность дѣвъ находила общество замужнихъ и мужчинъ скучнѣе дѣвическаго, и онѣ оплакивали судьбу утраченной ими подруги: *отставала лебедушка отъ стада лебединаго; приставала къ стаду сѣрыхъ гусей!* бракъ и у древнихъ еще Славянъ готовилъ дѣву къ строгимъ обязанностямъ; и хотя жены были для нихъ чѣмъ-то священнымъ, и ихъ гаданіямъ слѣпо вѣрилось, но онѣ разували мужей своихъ, что видимъ, не только въ пѣсняхъ, но и въ исторіи Св. Владиміра, и въ другихъ преданіяхъ. Мономахъ былъ женатъ на дочери Англинскаго Короля, выдалъ одну изъ внукъ своихъ за славнаго Канута, Короля Датскаго, а другую за сына Императора Греціи, однакожъ и онъ въ своей Духовной, или поученіи, сказалъ: »Жены своя любите, но не дайте имъ надъ собою власти«. Народъ, безъ сомнѣнія, былъ еще точнѣе въ соблюденіи сего правила. Нѣкоторые, и въ томъ числѣ Г. Будковъ, увѣряютъ, что самое слово *ладъ* (мужъ) означало владыку, или происходило отъ онаго (*). — Женщины, къ чести вѣка, сдѣ-

(*) Сомнительно, ибо когда произносили, вмѣсто

лались благоразумнѣе, и мы не беремся рѣшить, хорошо-ли было это правило или дурно; а также не знаемъ, по этой-ли причинѣ, или отъ того, что невѣста рѣдко была знакома съ женихомъ, брачный обрядъ изображалъ что-то плачевное: мать, сестры, родные и друзья сперва оплакивали новобрачную, и послѣ надѣвали на нее нарядъ, самымъ именемъ *повойника* означавшій это повѣрье. — Остается замѣтить, что въ старину Русскія жены скоро привыкали къ покорности мужьямъ своимъ, а особливо если полюбляли ихъ въ продолженіи жизни, и эту покорность скоро начинали находить весьма обыкновенною. Когда Іоаннъ IV возвратился, завоевавъ Казань, Царица Анастасія, еще лежавшая на одрѣ родильномъ, вставъ, упала ему въ ноги. Супруга Димитрія Донскаго, плакавъ, говорила ему мертвому: »Како нынѣ послужу тебѣ?«—Все это заставитъ нѣкорыхъ улыбнуться; но глубокій испытатель человѣческаго сердца не бу-

---

кони, *комони*, тогда вмѣсто *власть*, *Владиміръ*, говорили *волость*, *Володиміръ*. Что-же принадлежитъ до языка Мономахова, то ясно видно, что изучая библейскій, онъ мѣшалъ его съ Русскимъ нарѣчіемъ.

*

детъ смѣяться: онъ понимаетъ, какъ сладостно въ любви и подобострастіе. — Во многихъ странахъ женщины желаютъ нравиться побѣдителямъ мужей своихъ (Россіяне испытали это вездѣ, гдѣ только гремѣло ихъ оружіе); но едва-ли не всякая Россіянка (оплаканная при отпускѣ ея къ вѣнцу) желала слѣдовать примѣру Евпраксіи, которая, отвергнувъ ласки побѣдителя, прижала къ груди младенца-сына, бросилась съ башни, и (по тогдашнему изрѣченію) *заразясь* о землю, дала какую-то святость имени Зарайска. — Жены древнихъ Россіянъ, похоронивъ супруга, умирали міру, постригались, или, подобно Ольгѣ, не соглашались владѣть и Византіею чтобъ не измѣнить памяти друга. Анна Ярославовна, послѣ Генриха 1 вышедшая за Графа де Крепи, есть исключеніе: какое намъ дѣло до Запада и примѣровъ его народнаго быта! Скажемъ только, что она была первая изъ Русскихъ дамъ испытавшая вліяніе Французскихъ обычаевъ.

10). Я говорилъ болѣе о пляскѣ женщинъ потому, что лишь въ ихъ играхъ наблюдатель увидитъ отличительное, свойственное

лишь одному изъ народовъ, а не общее всѣмъ. Пляска и игры мужчинъ, отдѣльно, являли мало характеристическаго, и не были столь дружны, столь многолюдны, какъ пляски и хороводы женщинъ.—Г-жа Сталь видѣла Русскую пляску вѣрно въ такомъ краю Россіи, гдѣ и простонародіе пляшетъ тихо и плавно, что изрѣдка и мы находили, (См. Les dix ans d'exil.) — Нынѣ, въ доказательство своего безвкусія, соединяютъ старинную Рускую пляску съ неистовыми тѣлодвиженіями нашихъ Байядерокъ; иные хотятъ найти ее въ грубыхъ поворотахъ и топанье сельскихъ народныхъ плясавицъ, забывъ что тамъ во всѣхъ играхъ было и будетъ всегда болѣе чувственнаго нежели чувствительнаго. (Несправедливо заключаютъ тѣ, которые думаютъ, что въ древней Россіи между высшаго и низшаго классовъ народа не было сильныхъ оттѣнковъ. Едва-ли порядочныя женщины участвовали въ Сатурналіяхъ дня Купала и другихъ подобныхъ, когда и для простаго народа онѣ были рѣдки: въ посланіи Игумена Памфила означены немногіе дни этой шумной и неистовой радости. Едва-ли удавалось Боярышнѣ разъ въ жизни слышать скоморошную пѣс-

ню и видѣть пляску крестьянки: она училась пѣть и плясать у своихъ мамушекъ и боярскихъ боярынь, а плясала только при родныхъ и самыхъ короткихъ знакомыхъ. Сѣнныхъ дѣвицъ было множество, но онѣ по утрамъ вышивали ей жемчужныя ширинки, а вечеромъ тѣшили ее своими играми, пѣли подблюдныя пѣсни, хоронили при ней золото, сѣяли макъ, заплетали плетень, и пр. Она едва-ли сама участвовала въ этихъ играхъ; ибо могла ли Боярышня, или дочь Окольничаго, Стольника, пѣть сама, что *перстень ея* очутился *на рукѣ у Дворянина*, столь незначущаго тогда чиновника? — Можетъ быть, она украдкою и заглядывалась на молодаго Дворянина, въ церкви, (какъ Наталья на Алексѣя, или съ златоверхой вышки своего терема), а дѣвицы ей намекали о немъ въ игрѣ своей). — Остается еще сказать, въ отношеніи къ Русской пляскѣ, что напрасно, желая передразнить скромность Русской дѣвы, нынѣ то опускаютъ, то отбрасываютъ вуаль. Въ прямой Русской пляскѣ фата, скрывающая волосы, лежала по плечамъ, и то у замужнихъ; вуаль была не нужна: склоненіе головы, потупленные взоры, опущенныя гу-

стыя рѣсницы—вотъ единственный покровъ, который и таилъ и возвышалъ прелести красавицы, тихо кружившейся, и, какъ говорилось, плывшей павою по новымъ сѣнямъ терема. Здѣсь идеалъ древнихъ Россіянъ, и, кажется, вѣчный идеалъ сердца. Его постигалъ Оссіянъ въ небесныхъ дѣвахъ своихъ, Валкиріяхъ, тихо носившихся въ туманахъ Морвена;—его угадывалъ Мильтонъ въ своемъ ангелѣ, который, не переступая, скользилъ по долу земному;—онъ являлся и Клопштоку въ Одѣ *Der Verwandelte:*

Sanft im Traume des Schlafs, sanfter im wachenden,
Dass ich, wenn sie vor mir eilend vorüber schlüpft,
Stamml', und schweig', und beginne:
Warum eilst du? ich liebe dich!

Однимъ словомъ, этотъ образъ представляетъ намъ то, что возвышенный изобразилъ въ своей *Die künftige Geliebte.* что всѣ Германскіе эстетики привыкли называть die sittliche Grazie, и о чемъ мечталъ Жуковскій въ *посланіи къ Батюшкову.*

11) Въ нашей старинной музыкѣ столь много оригинальнаго, своего, что какъ ни старались соединить ее съ музыкой другаго на-

рода, всегда было больно и ушамъ и сердцу. Нѣкоторые иностранцы пытались изловить ея самобытныя выраженія, — и только насмѣшили насъ. — Въ пляскѣ была таже неудача: на нашей памяти знаменитый Дюпоръ, учившись двѣ недѣли, сказалъ: rien n'est plus facile, выступилъ на сцену, задергалъ плечами—и двѣ тысячи зрителей покатились, какъ говорится, отъ смѣха.

12) Нужно-ли объяснять Русскимъ, что *красное* означало тогда нынѣшнее прекрасное, велелѣпое?—Прилагать же это имя къ солнцу предки наши привыкли искони: Ярославна говорила ему со стѣнъ Путивля: »Ты для всѣхъ *красно*«. Въ духовной Мономаха сказано, что древніе Россіяне, воздавъ хвалу Богу, и потомъ солнцу восходящу, радостно благодарили Творца, давшаго имъ свѣтъ свой *красный*.

13) Всѣмъ извѣстно, какъ счастливо воспользовались уменьшительными: Дмитріевъ въ своемъ *Голубочкѣ*, Нелединскій въ своей *Рѣчинькѣ*. Безъ нихъ Богдановичь не назвалъ бы такъ мило свою Псишу.

14) Я слышалъ дивную Каталани, и послѣ не менѣе дивную Зонтагъ; и когда онѣ пѣли

томнострастныя каватины—я былъ и восхищенъ и тронутъ: но что̀ происходило въ душѣ моей отъ повтореннаго два раза слова *подворьице*, когда оно было металлически отзвучено голосомъ Русской народной пѣвицы (нѣкогда славной Стефаниды), того не могу выразить: помню только, что тутъ дѣйствовали слова̀, удачно голосомъ оттиснутыя, болѣе нежели голосъ.

15) Повѣрье *завивать вѣнки* сохранилось, когда праздникъ языческій, кажется Русальный, обратился въ Христіанскій, какъ и многіе въ Россіи (*). Въ Семикъ и Троицынъ день *завиваютъ* еще *вѣнки* съ пѣснею: »Подъ липою столъ стоитъ«—и послѣ бросаютъ ихъ въ воду. Въ Москвѣ, это *завиванье* было въ Соколинскихъ рощахъ, и называлось *гуляньемъ*.—Здѣсь, кстати, скажемъ нѣчто вообще о нашихъ *гуляньяхъ*, получившихъ свое начало въ вѣка Христіанства. Установленныя какъ бы закономъ не-

(*) Недавно одинъ изъ нашихъ литераторовъ, И. М. Снѣгиревъ, издалъ весьма любопытную о семъ предметѣ книгу, и можно сказать, классическую, гдѣ виденъ разыскательный трудъ, соединенный съ знаніемъ Русской старины.

измѣняемымъ, (подобно торгамъ и ярмаркамъ при сельскихъ храмовыхъ праздникахъ) каждое изъ нихъ знаменуетъ или празднество Вѣры, или славное событіе отечества. Охлажденіе къ этой Вѣрѣ и космополитизмъ, кажется, успѣли сдѣлать ихъ менѣе значущими, но не замѣнили ихъ ничѣмъ новымъ, постоянно твердымъ въ обычаяхъ народныхъ. Благословенныя семейства Россіянъ съ утренней зари тѣснились къ храму въ день его праздника; съ набожностію слушали тамъ слово Божіе, и проводивъ ходъ съ иконами, возвращались въ домы свои бесѣдовать съ дѣтьми и домочадцами о великомъ празднике того дня, или о славномъ событіи спасшемъ Россію отъ врага лютаго. Вечеромъ всѣ семейства снова подымались толпами, гулять по посадамъ, лѣсочкамъ и полянамъ окружавшимъ тотъ храмъ: вотъ начало нашихъ Московскихъ *гуляній*. Такъ праздновали и гуляли 1-е Августа подъ Симоновымъ, 6-е у Спаса Новаго, 19-е подъ Донскимъ (въ память избавленія Россіи славною побѣдою надъ Казы-Гиреемъ), 26-е у Срѣтенскаго монастыря (въ память отступленія Тамерлана), 1-е Октября въ Покровскомъ, или Рубцовѣ (въ память мира 1613

года, прервавшаго бѣдствія Россіи, оттолѣ уже славной и грозной врагамъ своимъ). Такъ гуляли среди прелестныхъ видовъ Андроньева, и часто въ году близъ Дѣвичьяго. Русскіе съ слезами умиленія ходили утромъ за иконою, которая нѣкогда спасала ихъ, а вечеромъ тамъ-же радушно пировали;—такъ праздновались и Троицынъ и Духовъ дни, Семикъ и Вербное Воскресеніе. Это послѣднее напоминаетъ и патріархальную простоту и благочестіе тѣхъ временъ: сами Монархи, вмѣстѣ со всѣмъ народомъ, ходили на берега Неглинной *ломать вербу*, дабы мысленно подстилать эти Русскія ваіи подъ стопы Спасителя; а вечеромъ, съ сими-же вербами гуляли среди своего народа (*). Можно-ли сравнить всѣ эти *гулянья*, такъ сказать, освященныя Религіей и патріотизмомъ, съ новыми нашими булеварными, Прѣсненскими днями, и пр.?—Что хладно для сердца, то ненадежно и для памяти народной. Это доказывается тѣмъ, что нѣкоторыя изъ новыхъ *гуляній*,

---

(*) Думаю, что заведеніе выносить большое дерево, украшенное и обвѣшанное овощами, было слѣдствіемъ ношенія простой вербы.

изобрѣтенныхъ простою прихотью, еще на нашей памяти начались и оставлены, какъ бы для убѣжденія въ томъ, что заводимое суетною модою не переживетъ основаннаго на святынѣ отцевскихъ преданій.

16) Мы видимъ какъ лѣсиста была древняя Россія по чернымъ дубамъ отрываемымъ въ рѣчкахъ и оврагахъ тамъ, гдѣ на пространствѣ многихъ верстъ нѣтъ уже ни одного дерева; также знаемъ по одной древней пѣсни, что въ Кіевѣ, близъ двора знаменитаго вельможи, Путяты, былъ темный лѣсъ. Не только во времена Кучки, увеселительный домъ Юрія Суздальскаго на берегу Москвы, но и Московскія набережныя сѣни Іоанна Калиты были окружены боромъ, ибо стояли въ нѣсколькихъ шагахъ отъ храма, понынѣ именуемаго Спасомъ *на бору*, и построеннаго въ 1328-мъ г. вмѣстѣ съ дворцемъ сего Князя. Это названіе удержанное въ народѣ, равно какъ и воротъ *Боровицкихъ*, доказываетъ, что весь кремль былъ долго занятъ лѣсомъ, который осѣнялъ Кучково поле (Срѣтенку) и Васильевъ лугъ (гдѣ нынѣ Воспитательный Домъ), и рѣдѣлъ лишь у самаго берега, названнаго Великою улицей (нынѣ набережная).

17) Слова *птицы небесныя*, можетъ быть, употреблялись и до введенія Христіянства. Но, думаю вѣрнѣе, что обогативъ память изрѣченіями святаго Псалмопѣвца, Русскіе сохраняли ихъ и въ разговорѣ и въ письменахъ своихъ. Они видѣли въ другихъ, еще святѣйшихъ изрѣченіяхъ, разительный образъ суеты житейской въ сравненіи съ безпечностію пернатыхъ. Но человѣкъ иногда завидовалъ и имъ: еще бездѣтный, В. К. Василій Іоанновичъ, воззрѣвъ на небо, и увидѣвъ гнѣздо птичье на древѣ, заплакалъ и сказалъ: »Азъ не уподобихся и *птицамъ небеснымъ*, яко *птицы небесніи* плодовити суть (*)«. Возвращаясь къ прежде-сказанному, назовемъ предковъ нашихъ птицелюбцами, сливавшими эту любовь съ религіозными идеями, которыя не оставляли ихъ ни въ славѣ ни въ годинахъ испытанія: Великодушный Михаилъ Тверскій, зная неминуемость скорой смерти, но еще страдая

(*) И поступилъ не умнѣе Наполеона: Елена Глинская была почти столько-же вредна Россіи, какъ и родственный союзъ Франціи съ Австріею былъ вреденъ для первой.

въ узахъ Монгольскихъ, казалось, видѣлъ полетъ воздушнаго жителя, и жаждя неземной свободы, повторялъ: »Кто дастъ ми крилѣ яко голубинѣ? и полещу, и почію«!... — Самъ зловѣщатель, воронъ, казался имъ священнымъ; убить его было грѣшно: Богъ питалъ птенцевъ его въ пустынѣ, и самъ онъ питалъ въ ней Пророковъ. Была и другая идея, также свойственная лишь благочестивому народу: предвѣщая бѣду, воронъ былъ нѣкимъ посланникомъ наказующей вышней Десницы; и такъ убивать его значило-бы ожесточаться противъ нея. Въ добавокъ, эта птица названа, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, *ненапрасливою, необидчивою.* Надобно провести въ полѣ съ четырехъ часовъ утра почти до ночи, чтобы, согласясь со многими замѣчаніями полевыхъ простолюдиновъ, изумиться благости Творца въ подробностяхъ Его провидѣнія: Ничего не было бы вреднѣе для земледѣльцевъ, еслибы нѣкоторыя птицы (какъ-то: воронъ, галка, грачь и сорока) летающія по полямъ, питались не червячками, а зернами; тогда истребились бы всѣ посѣвы. Птицы, питающіяся зернами: голубь, воробей, и другія, вьются около жилищъ, и

вредятъ лишь малымъ окрайкамъ полей, къ нимъ ближайшимъ.

18) »Онъ и супруга его—говоритъ сочинитель Похвальнаго слова Димитрію Донскому — жили единою добродѣтелію, какъ златоперсистый *голубь* и сладкоглаголивая *ластовица* съ умиленіемъ смотряся въ чистое зерцало совѣсти«.

(Преложеніе Исторіографа).

Ласточку въ простонародіи называли *касаткою*, по длиннымъ-ли крыльямъ и хвосту, или привѣтствуя ее красавицей. Тогда у всѣхъ народовъ одну изъ главныхъ красотъ составляла велевласость или длинная и густая коса, что и донынѣ сохранилось въ привѣтствіи поселянъ, которые, вмѣсто *красавецъ мой, красавица моя,* говорятъ *касатикъ, касатка.* Франки прозвали своего красиваго Короля, Клодіона, *le chevelu.* Въ 1095 году изданъ былъ духовный указъ въ Руанѣ, по коему, въ знакъ отверженія первой прелести человѣской, велѣно всѣмъ, кто желаетъ быть отпѣтъ и похороненъ Христіански, остричь волосы, обнаживъ и уши. Бѣдный Генрихъ 1 (су-

пругъ Анны Ярославовны) принужденъ былъ лишиться своихъ прекрасныхъ волосъ, чтобъ избѣгнуть грозы Папы, который могъ бы возставить на него силы всей Европы. Извѣстно, что отращиваніе и завиваніе волосъ прокляты и въ Номоканонѣ, какъ прелесть соблазнительная. Въ Россіи замужнія женщины предоставляли однимъ супругамъ зрѣніе своихъ волосъ, которые, расплетясь на двѣ косы, навсегда скрывались подъ кику или фату,—и съ тѣхъ поръ уже грѣшно и стыдно было показать ихъ чужому. Но кудри мужчинъ были и видимы и часто воспѣваемы. Думалось (можетъ быть однимъ пѣвцамъ), что онѣ *отъ радости вьются, отъ горя сѣкутся.* Красавца, сверхъ имени яснаго сокола, величали и *молодцемъ кудреватымъ.*— По описанію прелестной Ксеніи, дочери Царя Бориса, видно, что знатныя дѣвицы носили иногда и локоны, которые *трубами лежали* по плечамъ.

19) И простонародныя наши сказки едва-ли не поэмы; болѣе поэмы нежели то, что Французы часто называли симъ именемъ: »Traduire en vers ce qui était fait pour rester

en prose, exprimer en dix syllabes, comme Pope, les jeux des cartes, ou comme les derniers poëmes qui'ont paru chez nous, le trictrac, les échees, la chimie (Г-жа Сталь забыла la gastronomie и les jardins): c'est un tour de passe-passe en fait de paroles, c'est composer avec les mots comme avec les notes des sonates sous le nom de poëme. — Ни одинъ народъ не представитъ намъ въ своихъ простыхъ старинныхъ сказкахъ такой полноты, заманчивости, повѣствовательнаго искусства, и столько чудеснаго, поэтическаго, какъ мы въ *Бовѣ* и *Еруланѣ*, въ *Иванѣ Царевичѣ*, въ *Петрѣ златыхъ ключахъ*, и пр, съ ихъ таинственными *Ягою-бабою*, *Кащеемъ*, *Полканомъ*, *Змѣемъ Горыничемъ*; съ ихъ идеальными огнедышущими конями, достойными своихъ всадниковъ, которыхъ подвиги равны Геркулесовымъ и Язоновымъ. Они были всегда богатымъ родникомъ и для новыхъ нашихъ поэтовъ: Богдановичь превзошелъ въ *Душинькѣ* и Апулея и Лафонтена своимъ эпизодомъ *живой и мертвой воды*; Дмитріевъ украсилъ *Причудницу* свою *ковромъ самолетомъ*; Жуковскій

и Пушкинъ нѣсколько разъ обогащали ими свои вымыслы.

20) Карамзинъ, въ V томѣ Исторіи, излагая состояніе Россіи отъ нашествія Татаръ до Іоанна III, и, упомянувъ о политическихъ злоупотребленіяхъ на Западѣ, сказалъ: »Къ счастію, Святый Владиміръ предпочелъ Константинополь Риму.« — Замѣтимъ, что онъ сказалъ это тамъ, гдѣ исчислялъ всѣ бѣдствія постигшія Россію отъ Татаръ, какъ бы находя, что вліяніе политики Запада было бы для насъ еще вреднѣе; ибо наше могущество не могло-бы возникнуть такъ самостоятельно и прочно, какъ возникло оно при трехъ Іоаннахъ и трехъ Василіяхъ. Въ самыя бѣдственныя времена Россіи, то есть, во времена необъятной силы Хановъ, что сдѣлалъ бы для насъ Папа, уже трепетавшій предъ ними почти со всѣми вѣнценосными своими вассалами? Только раздражилъ бы льва, то усыпляемаго, то устрашаемаго святымъ смиреніемъ Петра и Алексія. Тогда какой Латинскій Петръ прошелъ бы дали дикія, вдавая жизнь свою въ опасность, чтобъ выпросить Россіи льготный ярлыкъ у варвара, если не умреть на колѣ съ вы-

колотыми глазами? Какой Латинскій Алексій износилъ бы посохъ свой въ степяхъ Орды, дабы *принесть* отчизнѣ *житіе мирное*? Какой Латинскій Сергій ринулъ бы Донскаго въ полки Мамая? Какой Латинскій Вассіанъ возродилъ бы Россію въ высокой душѣ Іоанна III, дрогнувшей минутно? — И когда сила Монголовъ сама-бъ собою ослабла (какъ то и случилось), что было-бы съ нами, мнимо освобожденными? — Остались бы на вѣки, такъ сказать, обезкрыленными, игралищемъ державъ, ближайшихъ къ престолу Римскаго Владыки. Провидѣнію угодно было, чтобъ Россія при всѣхъ подобныхъ испытаніяхъ не спасалась чуждою помощію; за то всегда и возникала она съ бо̀льшимъ противъ прежняго могуществомъ. Касательно-же внутренняго состава Россіи, не могъ-ли Папа, назвавъ еретикомъ Великаго Князя, сдѣлаться для него вторымъ Узбекомъ, и возставить на него удѣльныхъ, какъ Григорій, Иннокентій, Пасхалій возставляли на Императоровъ, не только другихъ Государей, но и дѣтей, повелѣвъ имъ отрывать и бросать мертвое тѣло отца? — Наконецъ, въ отношеніи Христіанскаго и нравственнаго назиданія, пред-

ставимъ себѣ поѣздку въ Римъ какого нибудь Боярина, Дьяка или простолюдина за отпущеніемъ грѣховъ лѣтъ на десять впередъ: что сказалъ бы онъ, увидѣвъ преемника Св. Петра сидящаго, подъ великолѣпнымъ наметомъ Ватиканскаго балкона, между любовницы и обезъяны, и благословляющаго народъ; а тамъ стоящихъ Монарховъ, босыхъ, съ главами покрытыми пепломъ и съ свѣчами покаянными въ рукахъ?—Теперь обратимся къ вліянію на насъ Греціи: Россіяне заняли у Грековъ одно хорошее, между тѣмъ какъ первые они замѣтили, по свидѣтельству Нестора, ихъ коварство, и всегда готовы были, по словамъ Карамзина, оружіемъ наказать ихъ за малѣйшіе знаки дерзости. Смиряясь предъ ихъ ученостію, мы учились держась за мечь показанный Романомъ послу Иннокентія. Всѣ дары Царей, Іерарховъ и народа Византійскихъ были нѣкоторою данію: мы *завоевали* и Православіе. Между тѣмъ нравы смягчались вмѣстѣ съ языкомъ, который богатѣлъ новыми оборотами при новыхъ идеяхъ. Художества зацвѣли. Въ XII вѣкѣ храмы Суздаля были расписаны Русскими: Алимпій вѣрно живописалъ не хуже Джіото, а можетъ быть не

хуже и Перуджина, (безъ междоусобій и Монголовъ, можетъ быть, мы давно имѣли бы своего Рафаэля, не проведя толь многихъ столѣтій въ ожиданіи Брюллова). Стѣны Выдубецкой обители были тогда-же построены Русскими, и казались дивомъ для иноземцевъ. Въ XIII вѣкѣ посолъ Французскаго Короля (Св. Лудовика) къ Татарскому Хану Мангу, нашелъ у него Русскаго архитектора. — Греція была лишь полезна Россіи, полезна и въ самую эпоху нашего рабства: »Волынскій лѣтописецъ, говоритъ Карамзинъ, приводитъ мѣста изъ Гомера: Псковскій упоминаетъ о Пиѳагорѣ и Платонѣ«. Кому обязаны мы за все это? — Греціи, которая »давала намъ вмѣстѣ съ мощами и книги«, коихъ собранію въ Патріаршей библіотекѣ удивился ученый Маттей (*). Не Греціи-ли обязаны мы за харак-

(*) Еще за два съ половиною вѣка до того, Философъ Максимъ, учившійся въ Парижѣ и Флоренціи, имѣвшій свѣдѣнія необыкновенныя, сказалъ изумленный: »Вся Греція не имѣетъ нынѣ такого богатства, ни Италія, гдѣ Латинскій фанатизмъ обратилъ въ пепелъ многія творенія нашихъ Богослововъ«

См. *Ист. Рос. Госуд.*

теръ смиренія, за святый характеръ нашего Духовенства? Когда Римское острило мечи и гремѣло анаѳемой, наше мирило вражды, защищало невиннаго, молило за виновнаго, и умирало за добродѣтель. Принося намъ столько благъ, Греція не ослабляла въ насъ мужества, всегда готоваго ударить на враговъ несмѣтныхъ при гласѣ Монарха или вождя мудраго Напротивъ того, въ ея послѣднемъ издыханіи мы вдохнули въ себя то чувство народной гордости, которое возвышаетъ образованнаго предъ варваромъ, и сохранили презрѣніе къ двувѣковымъ утѣснителямъ. Возставивъ свое могущество, Россія сдѣлалась какою-то благодарною мстительницею за Византію: Послѣдній Константинъ падая во вратахъ Святаго града, казалось, завѣщевалъ Екатеринѣ громъ Кагула, Чесмы и Рымника. Безъ даровъ Греціи, предъуготовавшей насъ къ дарамъ Генія Петрова, и намъ и ему было бы труднѣе въ великомъ дѣлѣ нашего преобразованія. — Касательно-же языка, безсмертный Ломоносовъ уже сказалъ намъ сколь Греческій былъ для насъ выгоденъ (см. *О пользѣ церковныхъ книгъ*).

21) Не только древніе ораторы наши были истинно краснорѣчивы, но и самые Лѣтописцы, при нѣкоторыхъ случаяхъ, дѣлались какими-то Боссюэтами. Въ минуту, когда я писалъ это, мнѣ случайно представился одинъ примѣръ: »Юный Өеодоръ, говоритъ Исторія,—готовился къ счастливому браку; невѣста пріѣхала, Князья и Вельможи были созваны, и вмѣсто ожидаемаго пира, вмѣсто общаго веселія, положили жениха во гробъ«.

Но вотъ какъ въ лѣтописи (по Никоновскому списку):

»Преставися Князь Өеодоръ Ярославичь; а свадьба уже уготована, а невѣста приведена, а Князи и Бояря съѣхашась, и вся красная, и сладкая, и суетная, и мимотекущая уготована, и бысть плачь и вопль многъ«.

Здѣсь все отрывисто, менѣе связи, но сильно и поучительно, исполнено мыслей и свѣжести чувства. Никакой ораторъ не расположитъ счастливѣе четырехъ прилагательныхъ, обращенныхъ въ существительныя, и не дастъ имъ болѣе силы въ постепенномъ развитіи Философической мысли, которая здѣсь,

можно сказать, поражаетъ читателя:—Тогда не знали строгихъ правилъ Историческаго слога, повѣствовать не разсуждая и не воспламеняясь; еще менѣе знали, что Русскому надлежитъ притвориться Китайцемъ или Японцемъ, говоря о Россіи. Они, написавъ нѣсколько сухихъ страницъ голаго разсказа, позволяли себѣ или поучительныя мысли, или скорбь о народныхъ бѣдствіяхъ, или радость въ торжествахъ отечества; хвалили добродѣтель, порицали порокъ,—давали ходъ порывамъ сердца. Часто, восторженные, вдохновенные величайшимъ поэтомъ всѣхъ вѣковъ, Святымъ Псалмопѣвцемъ, коего звуки не престанутъ восхищать землю, ибо всѣ отзывы ихъ вѣрны, всѣ согласны съ движеніями человѣческаго сердца, наши древніе писатели витійствовали, и едва не пѣли, въ своихъ поученіяхъ, какъ Мономахи; въ посланіяхъ къ Царямъ и народамъ, какъ Вассіаны; въ назидательныхъ вѣщаніяхъ къ потомству, какъ наши Лѣтописцы.

22) Въ примѣчаніи 448-мъ къ X-му тому Исторіи говорится объ этомъ *собраніи древнихъ стихотвореній.*» Въ немъ — ска-

зано тамъ — не мало истинно древняго и хорошаго; но все перемѣшано съ новымъ и скудоумнымъ». Быть можетъ, что и тѣ пѣсни, изъ которыхъ я приводилъ нѣкоторыя мѣста, обработаны были въ столѣтія нѣсколько позднѣйшія; но духъ древности въ нихъ остался *сб сильными*, какъ говоритъ исторіографъ, *чертами вѣка.* »Не только — продолжаетъ онъ — въ нашихъ историческихъ, богатырскихъ, охотничьихъ, но и во многихъ нѣжныхъ пѣсняхъ замѣтна первобытная печать старины».

23) Изложимъ здѣсь содержаніе двухъ историческихъ пѣсенъ, или стихотворныхъ сказокъ, сочиненныхъ въ плачевную эпоху нашего порабощенія, или вслѣдъ за нею, то есть во время совершеннаго упадка нашей Поэзіи:

Въ первой представленъ большой пиръ у Великаго Князя, который, развеселясь среди своихъ Князей, Бояръ и могучихъ богатырей, предложилъ конное ристаніе съ закладами. Лучшіе кони государства выставлены: въ числѣ ихъ одинъ полоненный Ильею Муромцемъ. Закладъ во 100,000 рублей* предложенъ отъ иноземныхъ торговцевъ: про-

тивъ сего заклада — голова Русскаго, который выступитъ съ своимъ конемъ. Выступаетъ *Иванъ гостиный сынъ*, и, выпивъ со стола государева *обычную* чару вина въ полтора ведра, да турій рогъ меду сладкаго, (*) приводитъ своего коня. Завидѣвъ его, и славные кони и бесѣда великокняжеская— разбѣжались; и самъ Государь, испуганный, проситъ, чтобы отвели этого ужаснаго скакуна. Совмѣстники раздираютъ подписи о закладахъ; а Владиміръ, для вѣрнѣйшаго платежа, задерживаетъ ихъ корабли съ товарами заморскими.

Нужно замѣтить, что поэты тѣхъ бѣдственныхъ временъ, когда оставалось намъ лишь воспоминать о славѣ, любили приводить все къ поэтическимъ временамъ великаго Владиміра, хотя, впрочемъ, всѣ подробности ихъ богатырскихъ пѣсней пока-

(*) Что принадлежитъ до перваго напитка, то здѣсь подозрѣвается гиперболическое; чтоже касается до туріего рога, то оный долженствовалъ быть огромнымъ: Я видѣлъ таковый въ Оружейной палатѣ, даръ одного Епископа Іоанну III; Оправленный въ послѣдствіи какъ бы для другаго употребленія, онъ могъ цѣлыя столѣтія до того храниться въ монастырскихъ ризницахъ, бывъ прежде свидѣтелемъ пировъ.

зывали времена Татарскаго владычества. Рѣдкая изъ нихъ не начиналась:

Во славномъ было городѣ во Кіевѣ,
У Великаго Князя Владиміра.

На вѣрное можно полагать, что они сочиняли свои пѣсни помня древнія, и желая украсить, портили ихъ своими прибавленіями: напрасно говорили они объ Ильѣ Муромцѣ, Добрынѣ Никитичѣ, Алексѣѣ Поповичѣ: вездѣ проглядывали шелки Шемаханскіе и конья Мурзавецкія. Бѣлокаменная, городокъ бѣдный въ XII столѣтіи, едва извѣстный тогда въ отдаленной землѣ Суздальской, но уже знаменитая при Донскомъ, уже украшенная двумя Іоаннами, воспѣта (и весьма дурно), лишь въ началѣ XVII столѣтія, и только въ концѣ XVIIIго дождалась достойнаго пѣвца (*); Человѣкъ, а еще болѣе мечтатель и поэтъ дорожитъ лишь минувшимъ, любитъ лишь освященное давностію: тамъ живутъ фантазія и чудесное.

(*) Кто изъ современниковъ не повторялъ:

Но да воззрю съ полей широкихъ
На красну, гордую Москву, и пр.?

Вотъ содержаніе второй исторической пѣсни о событіи новѣйшемъ: Царь Іоаннъ соединясь бракомъ съ Черкасскою Княжною Маріею, даетъ свадебный пиръ. На семъ пиру, первое лице, родной братъ ея, Князь Мамстрюкъ, славный борецъ страны своей, вызываетъ Русскихъ борцевъ, и хочетъ *загонять Царство Московское*. Они явились, и онъ вскочивъ съ своего мѣста, побѣжалъ на нихъ по столамъ, давя рѣдкія блюда царскія, и, задѣвъ одной ногой, опрокинулъ тридцать столовъ съ тремя стами гостей. Выступаетъ какой-то *Борисовичъ* — и поборолъ его. За нимъ выступилъ братъ его, поднялъ Князя выше головы, ударилъ о землю, и сорвалъ съ него драгоцѣнную одежду. Царица, заступясь за брата, оскорбилась; но Царь сказалъ своей новобрачной, сіявшей всѣми прелестями Востока: Не то мнѣ честь, что въ Москвѣ чужеземцы борятся, но то, что Русскіе побораютъ!

24) Мы теряли славные начатки своего просвѣщенія, но упрочивали свое политическое бытіе тѣснясь подъ знамена *одного* изъ Князей, твердаго, мудраго. »Россія, говоритъ Историкъ, — напрягала силы свои един-

ственно для того, чтобы не изчезнуть: ей было не до просвѣщенія»! И такъ, оправдывая свою пословицу, что нужда научитъ разживаться (*), она достигла такой силы, что остальныя страны, безмолвствуя предъ ея исполинскимъ возвышеніемъ, не смѣли ей претить снова просвѣщаться и настигать опередившихъ ее вѣками.

25) Пѣсня:

Зачиналась каменна Москва,
Зачинался въ ней и грозный Царь, и пр.

относилась болѣе къ дѣду, нежели ко внуку: невѣжество, въ которое мы впали, все переиначивало, и оба Іоанна часто сливались въ одно лице: Казань и Астрахань затмѣвали для народа (какъ и вездѣ, для всѣхъ народовъ) мудраго *собирателя земли Русскія*, раздавителя крокодила, то есть, удѣльнаго междоусобія (**). Но если не поэтъ-рецензентъ, по крайней мѣрѣ политикъ замѣтитъ, что со временъ единодер-

(*) Такъ перевели мы слова: *калачи ѣсти*.

(**) Печать сего Князя изображала льва поражающаго крокодила, что видно и на его посохѣ въ Моск. Оружейной палатѣ.

жавія Русскіе начали чаще воспѣвать *бѣлыхъ* Царей своихъ (воспѣвать хотя и недостойно, смотря на упадокъ Поэзіи). Царелюбіе утверждалось въ ихъ сердцахъ вмѣстѣ съ увѣренностію *кому* они повинуются: глава семейства не можетъ быть ни уважаемъ ни любимъ, если санъ его не имѣетъ опредѣлительности, если онъ самъ не имѣетъ вѣсу и власти твердой. Бѣдствія Россіи начали уже связывать ихъ съ Монархомъ; его скорбь умиляла ихъ и склоняла къ жертвамъ: распри вельможъ и воиновъ стихли, когда заплакалъ младенецъ-Іоаннъ — и все пошло дружно умирать за него отъ стрѣлъ Саипъ-Гирея. Любовь сильна: любовь народа къ Михаилу заставила Сигисмунда и Владислава отдать ему опаснаго для нихъ Филарета; она обратила къ нему уваженіе всѣхъ другихъ народовъ, — и Шахъ-Аббасъ поднесъ ему дары, льстившіе славѣ и Христолюбію Россіянъ. — Мы помнимъ, какъ, въ 1812 году, Москва забыла о тягостяхъ войны и налоговъ, о домахъ и семействахъ, увидѣвъ задумчивость на челѣ Александра: лишь тогда раздалось незабвенное: »Ведемъ десятаго, и сами всѣ идемъ!« — раздалось, чтобъ умолкнуть лишь въ стѣнахъ Парижа!

26) Когда во Франціи вздумали отвергать существованіе Оссіана, вотъ что сказалъ объ Этомъ человѣкъ, коего геній умѣлъ обнимать все: »Vous ne sauriez croire combien je suis contre ces érudits qui cherchent à mettre le doute là où il est si doux de croire parsequ 'on a un vif désir d'admirer.»

Napoléon.

27) *Соловьемъ* называли поэта, витію, краснобая. Одного изъ таковыхъ, уже упомянутаго мною жреца, витійственно стоявшаго за идоловъ, убилъ Илья Муромецъ. — »*Соловья* (говорила древняя пословица) баснями не кормятъ»: онъ самъ велерѣчивъ и искусенъ въ вымыслахъ. Самое имя *Баянъ* едва-ли было граматически собственное: оно означало также поэта, говоруна: *обаять* значило заговорить, вывесть изъ ума, очаровать; *обаяніе* происходитъ отъ сего глагола. Здѣсь и персты поэта представлены нѣкоторымъ образомъ священными: *вѣщій* значило болѣе чѣмъ смышлёный, значило пророческій; *вѣщунъ* былъ дивный предсказатель: и вотъ характеръ, вотъ mens divinior поэта, внука Велесова!

28) Безсиліе Даждь-божіихъ внуковъ было ни что иное какъ бездождіе. Нѣкоторые думали, что внуки Даждь-бога были Россіяне, дотолѣ всегда счастливые; но извѣстно, что эти божки были дожди и росы. Вѣтры были внуки Стри-бога, а дожди внуки Даждь-бога, и оскудѣніе въ сихъ послѣднихъ было знакомъ небеснаго гнѣва. »Земля растяшетъ усобицами, погибашетъ жизнь Даждь-божа внука». И нынѣ говорятъ: за наши вражды и неправды, Богъ всего умалилъ, лишилъ насъ дождей, послалъ засуху. Такъ говорятъ земледѣльцы: какъ же не повторять этого воинамъ, а за ними и пѣвцу, когда зной и безводіе въ одинъ день могли рѣшить судьбу ихъ славы и судьбу отечества?— Теперь замѣтимъ, какъ поэтически изображены здѣсь причины, по коимъ герой лишился побѣдной славы и даже свободы: Онъ пострадалъ отъ распри возникшей между властителями стихій: возстаетъ Обида (здѣсь олицетворенная) на упомянутыхъ божковъ; зной и жажда заставляютъ Игоря оставить выгодное мѣсто, чтобы только сблизиться съ водою; оружіе враговъ тмочисленныхъ, пользуясь этимъ измѣненіемъ позиціи, довершаетъ его гибель.

29(*Буй-туръ* (дикій, неукротимый волъ) значится здѣсь нѣкоимъ прозваніемъ Всеволода. Уподобленіе льву или тигру менѣе ужасаетъ воображеніе; сила и свирѣпость вола, соединясь съ величиною, вѣрнѣе представятъ огромнаго богатыря отчаянно біющагося. Древлѣ въ Россіи поклонялись богу Туру, безъ сомнѣнія ужасному. Отъ сего весьма могло произойти и слово *богатырь*, означающее не только витязя, но героя (буквы *ы* и *у* тогда часто смѣняли одна другую: изъ *Выдыбай* составилось *Выдубецкій*, и такъ многіе); равно и *Буй-яръ* могло составить имя *бояринà*, по мужеству, силѣ, храбрости, и даже, какъ тогда и въ граматахъ писали, по дородству, мужа достойнаго быть при лицѣ Монарха. — Не увлекаясь въ розыски о происхожденіи словъ, предоставляю это нашимъ этимологамъ. У всякаго свои причуды: поэту кажутся смѣшными подобныя добирательства, между тѣмъ какъ для архіолога, этимолога и ихъ братіи смѣшны бредни поэта, который рѣдко доискивается и доказываетъ.

30) Икона, къ которой спѣшилъ Игорь освободясь отъ плѣна, была привезена въ Кіевъ изъ Царь-Града, вмѣстѣ съ тою, которая,

бывъ устрашительницею Болгаръ, а послѣ надеждою Россіянъ при вторженіи Тамерлана, покланяема нами въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборномъ храмѣ (*). Пѣвцу Игоря, столь современнаго идолопоклонству во многихъ краяхъ Россіи, менѣе стыдно мѣшать два вѣроисповѣданія, нежели писателямъ XVIII и даже XIX вѣка называть солнце Ѳебомъ, представлять любовь въ видѣ Купидона и Киприды, именовать Парнассъ, и пр.— Къ оправданію пѣвца, скажу

(*) Авторъ видѣлъ, во Владимірѣ, уцѣлѣвшій отъ времени храмъ, испещренный барельефами птицъ, грифовъ и прочихъ животныхъ, какъ дѣлали Этруріане, храмъ, для осмотрѣнія котораго, въ 1473, ѣздилъ изъ Москвы славный Фіоравенти, и искусству строенія котораго онъ дивился. Въ немъ съ 1154 по 1395 годъ стояла побѣдоносная икона, *лишь соименная* упоминаемой въ пѣснѣ объ Игорѣ; ибо возвращеніе Игоря изъ плѣна было въ 1185 году, когда сія Владиміро-Московская была уже давно во Владимірѣ. Сбивчивость происходила отъ того, что Вышегородскій *храмъ*, гдѣ сперва стояли обѣ иконы, назывался *Богородицею Пирогощею* или *въ Пироговщитѣ*. Въ рукописномъ дополненіи Кенигсберскаго списка лѣтописи 1154 года, сказано, что Икона Владимірская нынѣ Московская, привезена *въ единомъ* лишь *корабли съ Пироговищею изъ Царя-Града*.

еще, что тогдашняя Поэзія во всѣхъ родахъ, кромѣ скоморошнаго, была такъ невинна, такъ согласна съ строгою нравственностію, что безпримѣрная набожность Русскихъ не воспрещала упоминать и въ простонародныхъ пѣсняхъ объ иконахъ и храмахъ: Въ XVI или XVII столѣтіяхъ пѣли въ Москвѣ о *Троицѣ подъ горою*, о *Спасѣ чудномъ*, о *Спасѣ за Яузою*, и пр. — Засимъ сказано, что Игорь поѣхалъ и къ златому *отчему* престолу: всѣ Князья почитали Святослава, какъ старѣйшаго, отцемъ, а Кіевское первопрестоліе отчимъ.

31) Съ чувствомъ благоговѣйнаго умиленія обходя, въ Московской Оружейной палатѣ, многую святыню Россіянъ, всегда искалъ я на ржавчинѣ оружій слѣдовъ древней нашей славы, и думалъ: гдѣ ты, Россіянинъ, одаренный прямымъ витійствомъ? — приди, вдохновись — и здѣсь, на памятникахъ этой славы, скажи о ней вѣкамъ грядущимъ. — Правда, нѣтъ уже трофеевъ Олега, Святослава, Владиміра; нѣтъ тѣхъ древнихъ грудъ сокровищъ, добычь первыхъ завоеваній, которыми Святославъ II дивилъ пословъ Императора (Генриха IV). Многаго лишили насъ два Боле-

слава и Батый, Гедиминъ и Тохтамышъ, Сигисмундъ и Самозванцы — многаго! Но остались еще слѣды нашего древняго величія для памяти народовъ; остался этотъ священный вѣнецъ, именуемый *шапкою Мономаха*; остались эти святыя бармы, бремя нашихъ Государей, частыхъ страдальцевъ за благо Россіи — остались какъ трофей — ибо суть дары Греціи устрашенной завоеваніемъ Ѳракіи. Съ благоговѣніемъ смотрѣлъ я на памятники начала XII вѣка: на мечь Мстислава, который не боялся ни кого кромѣ Бога, и на щитъ его, нынѣ государственный; — на шлемъ Невскаго и доспѣхи Донскаго, не блиставшіе вдали отъ рядовъ, но изсѣченные во славу и спасеніе Россіи; — съ умиленіемъ преклонялся предъ посохомъ Андрея Боголюбскаго, прикосновеніе къ которому, съ 1161 года, было знакомъ, что Монархъ рѣшается подъять бремя державы, часто истерзанной крамолами и оружіемъ внѣшнихъ враговъ: Инокиня Марѳа дозволила Михаилу коснуться его — и съ тѣхъ поръ мы снова славны и могущественны; — съ особеннымъ чувствомъ смотрѣлъ на простой костыль, посохъ Василія Темнаго, сего несчастнаго слѣпца на тронѣ, но достойнаго

быть отцемъ великаго сына: не ударомъ-ли сего жезла о помостъ Успенскаго храма разсѣкся Гордіевъ узелъ Флорентійскаго Собора? — Благословлялъ все что принадлежало Великому Іоанну, рѣдкому государственному генію, сопернику Петра, и съ какою-то любовію смотрѣлъ на принадлежавшее сыну его, одному изъ тѣхъ Монарховъ кои *сохраняютъ и утверждаютъ Державы*; — веселился духомъ, глядя на вѣнцы толикихъ Царствъ, коихъ добытіе оградило нашу независимость, могущество и славу; добытіе нѣкоторыхъ заплатило намъ за столько, столько слезъ и крови! — и я благословлялъ вѣкъ, въ которомъ живу. — Съ гордостію смотрѣлъ я на великолѣпный тронъ, подвигнутый Шахомъ Аббасомъ для возсѣданія Русскому Царю, съ предчувствіемъ, что громы Русскаго Царя, замолкнутъ лишь у подошвы Арарата; — молился — смѣю сказать — ковчегу съ Уложеніемъ Алексѣя; ибо всегда думалъ, что истинное величіе Царей таится въ жертвѣ славолюбія, шумнаго и блестящаго, истиннымъ пользамъ народа, который даже и не пойметъ великости ихъ трудовъ (не пойметъ, — ибо пѣвцы, славившіе Владиміра, не пѣли сына его, начерта-

теля *Русской Правды*; въ пѣсняхъ о покоритель Казани, Астрахани и Сибири ни слова о *Судебникѣ*; добытель Смоленска заслонялъ творца *Уложенія*). Тронутый, останавливался я предъ булавою Хмѣльницкаго, побѣдителя Казиміра въ тридцати битвахъ, и повергшаго ее къ стопамъ Рускаго Царя вмѣстѣ съ *двумя стами* городовъ, съ отчиною св. Ольги и Владиміра, толь священнымъ для насъ Кіевомъ! — Предъ мечемъ Петра и носилками Карла XII....... Но кто Русскій — и не уронитъ на нихъ слезы благодарности! кто носитъ имя человѣка — и не благословитъ побѣдъ, въ которыхъ не одна Россія, но и царство разума ликовало, торжествуя просвѣщеніе полсвѣта! — Съ любопытствомъ разсматривалъ я на утваряхъ, блюдахъ и братинахъ царскихъ, сихъ дарахъ отъ владыкъ и народовъ, постепенность искусства, оттѣняемую вѣками: тамъ видѣлъ и первыя начертанія, первые художественные пріемы возрожденной Европы, и рисунки (въ чеканѣ и рѣзбѣ) Рафаэлевой школы, и работу, кажется, славнаго Челлини; — долго размышлялъ надъ однимъ, не стариннымъ, но прямо *древнимъ* шлемомъ Греческаго стиля, съ рельефами лучшихъ

временъ искусства, не зная, какому случаю приписать доставленіе его въ Россію, которая, впрочемъ, хвалится обладаніемъ кравіи Августа Кесаря, и, со временъ Софіи Палеологовой, поклоняется древнему изваянію всадника, освященнаго у насъ именемъ святаго Георгія, дару, привезенному ею вмѣстѣ съ мечемъ Царя Константина (*), съ вѣнцемъ нашей Ольги и рѣдкими рукописями.— Но не многіе предметы говорили такъ сильно моему сердцу, какъ эти пуки бердышей и сѣкиръ Троицкой Обители, достойной имени *каменнаго гроба* для враговъ Россіи (такъ Ляхи и Литовцы назвали сію Обитель). Мнѣ казалось, я видѣлъ, какъ эти остріи съ ихъ ратовищами обстали священный прахъ

(*) Этотъ антикъ, съ Римской Константиновской арки, мы видимъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, въ малой церкви св. Петра Митрополита. Къ сожалѣнію, онъ испещренъ красками, которыя трудно снять, не изгладивъ на мраморѣ слѣдовъ древности.— Касательно же меча, Карамзинъ едва-ли не его признавалъ мечемъ Андрея Боголюбскаго, принадлежавшимъ прежде св. Князю Борису. Онъ Греческой работы, и съ надписью Греческою: и такъ, можетъ быть, онъ есть единственный трофей нашихъ первыхъ побѣдъ.

Сергія, сверкнули при громѣ кликовъ: »Къ трапезѣ кровавой! пить чашу смертную за отечество!» и понеслись къ стѣнамъ разить Сапегу и Лисовскаго, устрашить Сигисмунда, и нарушить условія мира съ Владиславомъ! — Я съ удовольствіемъ видѣлъ, что, когда Лавра, Палладіумъ издыхавшей Россіи, уступила ихъ сему хранилищу, ихъ поставили особо, не смѣшавъ съ другими, неизвѣстными.... Такъ мыслилъ я выходя изъ этого свѣтилища славы, трудовъ и подвиговъ, гдѣ всякой Россіянинъ выпрямитъ станъ свой, почувствуетъ себя выше ростомъ; — такъ мыслилъ, утѣшаясь въ напрасномъ изысканіи трофеевъ, современныхъ началу Государства.

32) Слово: *за шеломянемъ*, по толкованію Г. Буткова, означаетъ *за великимъ Изюмскимъ курганомъ*; но и всѣ высоты, даже крутые верхи или князьки кровель, назывались *шеломью*, и передали свое названіе шлему. Впрочемъ, онъ, можетъ быть, и правъ; ибо если *шеломь* или *шеломя* значило высота, а происходящій отъ сего слова *шеломянь* значило курганъ, то пѣвецъ долженъ бы былъ сказать въ множественномъ: за *шеломянеми*; но

сказавъ въ единственномъ, хотѣлъ упомянуть объ одномъ извѣстномъ тогда курганѣ, и о величайшемъ, который былъ Изюмскій (*) Г-нъ Бутковъ истолковалъ многое, весьма удовлетворительно, и со всею географическою вѣрностію слѣдилъ Игоря во все продолженіе его похода. Его замѣчанія могутъ украсить новое изданіе этой пѣсни или Слова, если-бы оное предположилось.

Воспѣтое событіе, то-есть битва на берегахъ Каялы (нынѣшняго Кагальника) превосходно описано (по Кіевской лѣтописи) въ III мъ томѣ Исторіи Государства, гдѣ, однакоже, пропущена черта, въ послѣдствіи повторенная Димитріемъ Донскимъ въ битвѣ Куликовской: Князья и воеводы сказали, »*иже побѣгнемъ, утечемъ сами, а люди оставимъ!... умремъ или живи будемъ вси на единомъ мѣстѣ*».... *и поидоша біючися.*

Игорь, какъ лице историческое, равняется съ Карломъ XII въ удальствѣ и опрометчивости: не властолюбіе и корысть вол-

(*) Нѣкоторые ошибочно свидѣтельствуются Татищевымъ, упоминавшимъ объ одномъ селеніи: оно совсѣмъ въ другомъ краю.

новали его душу, но слава опаснаго похода. Умереть, или переломить копье на томъ краѣ поля Половецкаго, умереть, или испить шлемомъ воды изъ Дону, почти тоже, что по ночамъ самому стрѣлять въ непріятельскіе форпосты, хотя это и менѣе живописно. Историкъ обязанъ осудить такой характеръ, поэтъ — назвать его сокровищемъ: здѣсь корень Рыцарства, столь поэтическаго по своей великодушной отваги, по какой-то таинственности въ назначеніи и цѣли жизни его героевъ, по дѣламъ блестящимъ, достойнымъ жить въ твореніяхъ изображательныхъ искусствъ и лиры.

33) Наши отцы наслѣдовали отъ отцевъ своихъ презрѣніе къ первымъ отзывамъ старины, — и вотъ что сохранилось у меня въ памяти: Тогда, какъ покойный мой отецъ, почти тайкомъ отъ общества, плакалъ при пѣсни: *Вспомни, вспомни, милъ сердечный другъ*, на столѣ, въ его гостиной, лежалъ какой-то полу-Русскій романсъ, искаженіе *O ma tendre, musette*. Помню, какъ *Я въ пустыню удаляюсь отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ*, и *какой ударъ за весь мой жаръ* не умолкали

надъ клавесиномъ. И такъ не мудрено, что въ древнихъ нашихъ пѣсняхъ мы слышимъ, какъ сказалъ Исторіографъ, отзывъ голоса давно умолкшаго.

34) Не смотря на общее измѣненіе вкуса, пѣвецъ Ермака и Волги заставлялъ еще повторять:

Не лила-бъ отъ всѣхъ украдкой
Золотова я кольца.
. . . .
Я-бъ слила изъ воска яра
Легки крылушки себѣ,
И на родину-бъ вспорхнула
Мила друга моего.

Это были, въ XVIII столѣтіи, едва-ли не первыми и послѣдними отголосками кореннаго Русскаго чувства, достойно выраженнаго въ образахъ поэтическихъ. Опыты Мерзлякова съ подражаніяхъ стариннымъ пѣснямъ даютъ ему право, какъ поэту-патріоту, на такое сосѣдство. Въ 1812 году, вмѣстѣ съ духомъ народной гордости, пыталась пробудиться и родная Поэзія, чтобы снова замолкнуть, и, можетъ быть, надолго. Правда, два или три новѣйшихъ поэтовъ оглянулись было на старину: и здѣсь надлежитъ

болѣе винить читателей и любителей пѣнія, не хотѣвшихъ сдѣлать ихъ пѣсни постоянно общими, народными. — Уже не въ первый разъ замѣтилъ я, что наши изящныя искусства, вообще какъ-то не любятъ воскрешать отечественное (*). Въ народныхъ забавахъ оно рѣдко или дурно воспоминается (Честь и слава, можетъ быть, однимъ сочинителямъ оперы *Жизнь за Царя*, достойно оправдывающимъ Русскія изящныя искусства). Нашей мимикѣ также рѣдко удавалось выражать характеръ старины. Славные наши Дмитревскіе, Калиграфы, Шушерины, Померанцевы, Плавильщиковы, Синявскія, Троепольскія, Сандуновы, принаравливаясь ко вкусу нашихъ дѣдовъ и и отцевъ (но, вѣрнѣе, связанные авторами), не заботились о коренномъ Русскомъ: если мы когда видѣли на сценѣ идеалъ прямой древней Россіянки, то это была незабвенная вдохновительница *Фингала* и *Димитрія Донскаго*, извлекшая столько слезъ изъ моего сердца. Что-то роковое лежитъ у насъ

(*) Въ книгѣ: *Отечественная Галлерея*, изданной въ 1832 году.

на лирѣ, кисти, рѣзцѣ, котурнахъ и личинѣ Таліи, занимая ихъ чужбиною. — Къ счастію, сочинители историческихъ романовъ, изъ коихъ есть превосходные, даютъ намъ еще прислушиваться къ *звукамъ сердца Русскаго*; — не именую авторовъ: ихъ скромность равна ихъ талантамъ. Скажу только, что повѣсти этого рода и пріятны и полезны. Нельзя и не должно желать намъ возврата всѣхъ прежнихъ обычаевъ и повѣрій, снова отторгать себя отъ остальной Европы: въ ея дѣлахъ Екатерина, Александръ и Николай дали намъ слишкомъ первенственно участвовать; — со всѣмъ тѣмъ пріятно и занимательно переноситься воображеніемъ въ древній бытъ отечества. Походивъ по Бѣлокаменной, поглядѣвъ на эту вѣковую страдалицу и, въ тоже время, на эту колыбель нашего величія и славы, мы спѣшимъ въ свой семейный кругъ вызвать брадатыя тѣни добрыхъ предковъ, и пожить хоть вечерокъ съ ними въ вѣкахъ давно минувшихъ. Эта наклонность заключаетъ въ себѣ и важную пользу: она изцѣляетъ народы и человѣка отъ нравственной болѣзни, извѣстной подъ именемъ *всемірнаго гражданства*. Читая повѣсти о своей старин

мы чувствуемъ, что умъ нашъ можетъ и долженъ зрѣть и обогащаться новыми свѣдѣніями, но сердце оставаться тѣмъ же.

35) Охотно соглашаюсь на имя Славянофила, лишь бы не *Словенофила*, то-есть, съ условіемъ, отдать *славу* отцамъ нашимъ, Славянамъ. У насъ кой-гдѣ называютъ ихъ *Словянами* и *Словенами*, хотя лѣтописцы Византійскіе, Готскіе, Арменскіе, Персидскіе и Польскіе именуютъ ихъ *Славянами*. Скажутъ, такъ назвали ихъ нѣкоторые изъ нашихъ лѣтописцевъ: — а кто знаетъ? можетъ быть и переписчики, для которыхъ чистота строкъ была главнымъ предметомъ: буквы назывались *словами*, то какъ же имъ не предпочесть слова славѣ? — да и самый тогдашній бытописатель, инокъ, словесникъ предпочиталъ первое второй, въ которой онъ и политически и житейски видѣлъ тлѣнъ и дымъ пустой. Согласимся: можетъ быть и *слава* происходила первобытно отъ *слова*, ибо *словутый* значило *славный*, извѣстный, о коемъ прошло *слово* въ народѣ. Тутъ конечно путались часто буквы *А* и *О*, какъ *Ѣ* и *Я* въ свѣтѣ и святѣ, въ Свѣтовидѣ и Святовидѣ, Свѣтославѣ и Свя-

тославѣ: но Славяне уже неоднократно были названы *Славянами*, и передали въ семъ звукѣ имя свое современнымъ писателямъ, первымъ извѣстителямъ объ ихъ существованіи, лѣтописцамъ столькихъ народовъ, а сіи Карамзину и намъ: и такъ не намъ-ли стараться сохранить это имя, возвышающее насъ предъ всѣми народами? Для чего невыгодное предпочесть выгодному для народной гордости, имѣя въ пользу ея столько свидѣтельствъ? Почему же *слава* сохранялась въ окончаніяхъ людскихъ именъ, между тѣмъ какъ учителей Церкви называли Бого*словъ*, Двое*словъ*, и пр. — Греки называли Славянъ *Склавянами*, ибо въ ихъ языкѣ нѣтъ слоговъ *сла*, *сло*. (Извѣстно, что для народа, непривыкшаго къ новому слогу, легче ввести въ него какую нибудь согласную букву, нежели вѣрно произнесть его; на примѣръ *ха* гораздо легче выговорить нежели *ка*, но Французы удобнѣе произносятъ послѣднее.) Но пусть Греки и измѣнили это имя: для чего-же писали они *Склавяне*, а не *Склoвяне*? — Замѣтимъ, кстати, еще одно обстоятельство, относящееся къ нашему предмету: съ удовольствіемъ видѣли мы, что нынѣшняя образован-

ность Русскихъ исправила многія именованія, искаженныя въ преданіяхъ народныхъ; видѣли это даже въ объявленіяхъ о продажахъ при Московскихъ Вѣдомостяхъ: тамъ Суровскій рядъ уже названъ *Сурожскимъ*; Лафертово *Лефортовымъ*, оживляя память иностранца полезнаго Россіи. Но съ сожалѣніемъ находимъ, что въ нѣкоторыхъ алфавитахъ Россійскихъ городовъ, одинъ городъ лишенъ великаго воспоминанія соединеннаго съ его именемъ: это Пере*яславль* названный Пере*словомъ* (между тѣмъ, какъ Изяславль, храня имя сына Рогнѣды, удержалъ свое окончательное; и что еще удивительнѣе: городъ, построенный Боголюбскимъ въ Суздальской области, въ воспоминаніе этого древняго, сохранилъ также свое окончательное)! Не ужели захотятъ, чтобы этотъ городъ, а съ нимъ и Россія, забыли о его началѣ, забыли-бъ, что Русскій тамъ *перялъ славу* у Печенѣга (*)? — Скажутъ: этотъ городъ именованъ въ договорѣ Олега съ Греками. — Такъ, но развѣ

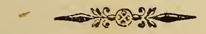
(*) Въ томъ-же краю, гдѣ, чрезъ 716 лѣтъ, великій Просвѣтитель нашъ *перялъ славу* у героя потрясавшаго Европу!

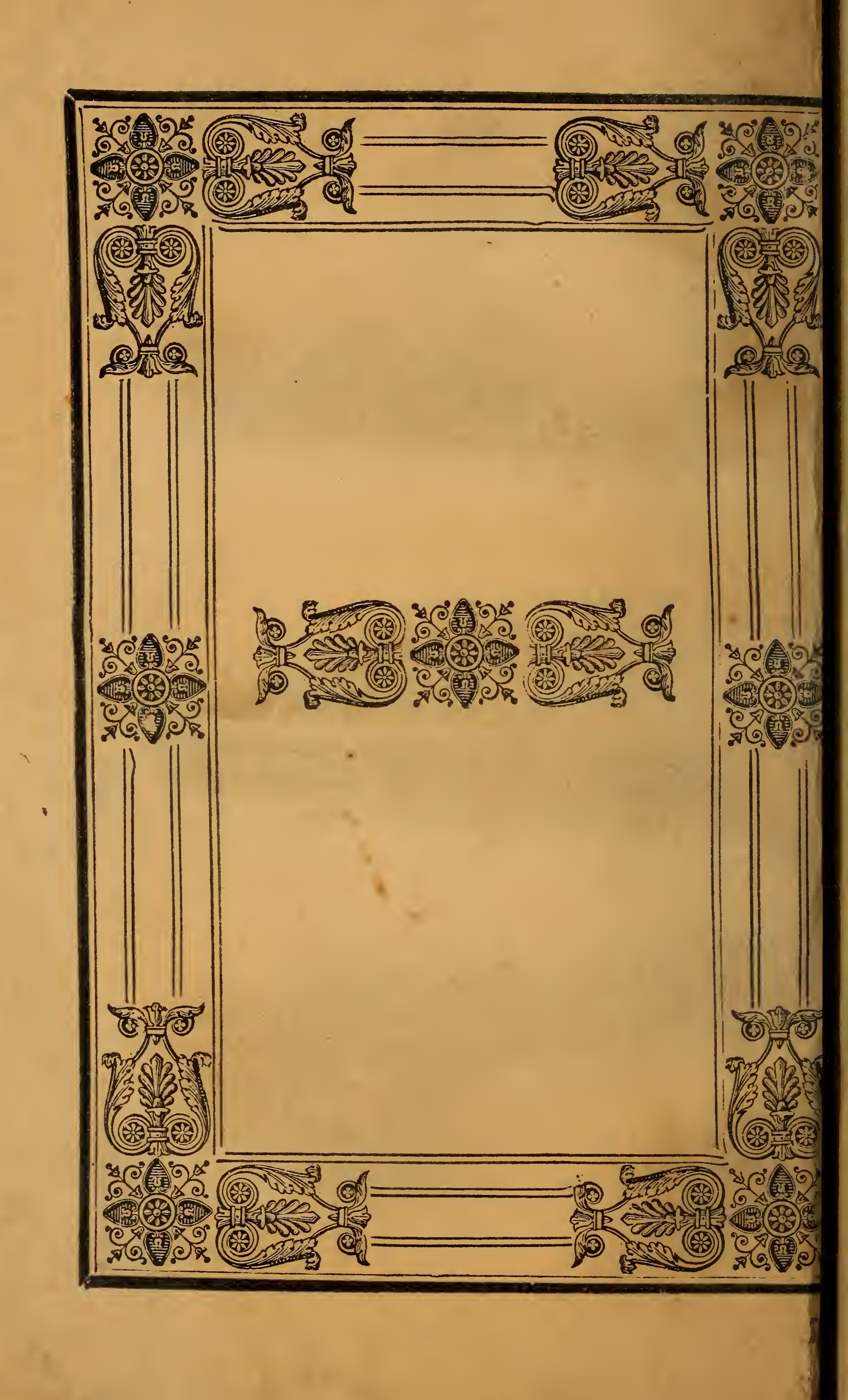
переписчики не были тогда смѣльчаками? развѣ одинъ изъ нихъ, уроженецъ Переяславля, пользуясь Географическою мѣстностію, не включилъ его въ свою копію, чтобы возвысить его древность? Самъ Исторіографъ полагалъ это возможнымъ (см. Томъ 1, примѣчанія 470, 471 472), и не осмѣлился опровергать рѣшительно сказаніе Лѣтописца. Древніе Аѳиняне забросали-бы камнями того, кто-бы рѣшился увѣрять всенародно, что не Минерва дала имя ихъ городу. Кто смѣлъ бы увѣрять Ѳивянъ, что Ѳивы построились просто, а не звуками Амфіоновой лиры? Такъ у народовъ, истинно мудрыхъ, опровергнуть и басню, питавшую гордость страны, града или веси, было преступленіемъ: эти отцы изящнаго не умѣли-бы назвать иначе то, чѣмъ все охлаждается, все разочаровывается въ душѣ человѣческой, высокой лишь по своей восторженности.



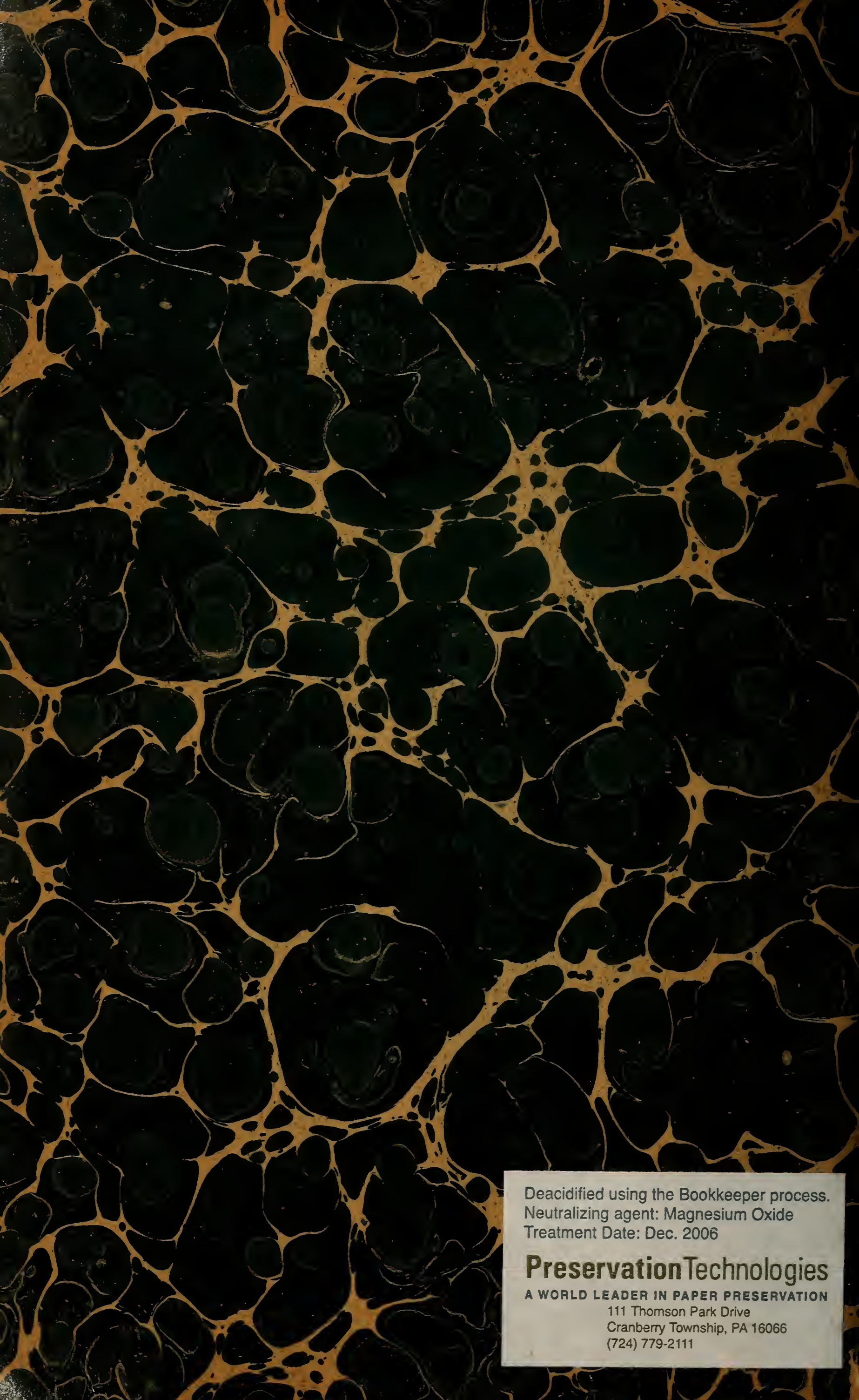
Не измѣняя желанію благословить труды вѣрнаго Комментатора остатковъ нашей старинной Поэзіи, осмѣлюсь замѣтить, что ему предлежитъ многое: во-первыхъ, нѣкоторый хронологическій порядокъ образцевъ, съ указаніемъ на мѣста подозрѣваемыя въ позднѣйшихъ измѣненіяхъ; — во-вторыхъ: раздѣленіе ихъ на идолослужебные, игрищные, историческіе, богатырскіе, охотничьи, брачные и, такъ называемые, нѣжные;—въ третьихъ: изложенія содержаній народныхъ сказокъ съ приводомъ мѣстъ или нѣкоторыхъ изрѣченій поэтическихъ; въ четвертыхъ: мѣста изъ поученій, посланій, нѣкоторыхъ рѣчей военачальниковъ, духовныхъ, гражданъ, при сношеніяхъ съ чужими народами или съ единоплеменными, но бывшими въ отдѣлѣ; а также и мѣста изъ Лѣтописей, гдѣ изображались славныя битвы, приступы и осадныя сидѣнья; все это съ строгимъ, эстетическимъ выборомъ мѣстъ и вообще всѣхъ образцевъ. Сознаюсь, что это превосходило-бы мои силы, будучи несвойственнымъ тому роду письмянъ, въ которомъ я упраж-

нялся. — Въ ожиданіи предлагаемаго, приглашаю Россіянъ, оживленныхъ одинакимъ со мною чувствомъ, по крайней мѣрѣ пополнить мою книжечку тѣмъ, чего я не зналъ или что забылъ. Согласенъ признать ее второстепенною, и даже въ третьемъ разрядѣ въ сравненіи съ ихъ трудомъ: самолюбіе, даже и авторское, должно уступить сознанію пользы въ дѣлѣ отечественномъ.








Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Dec. 2006
PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

